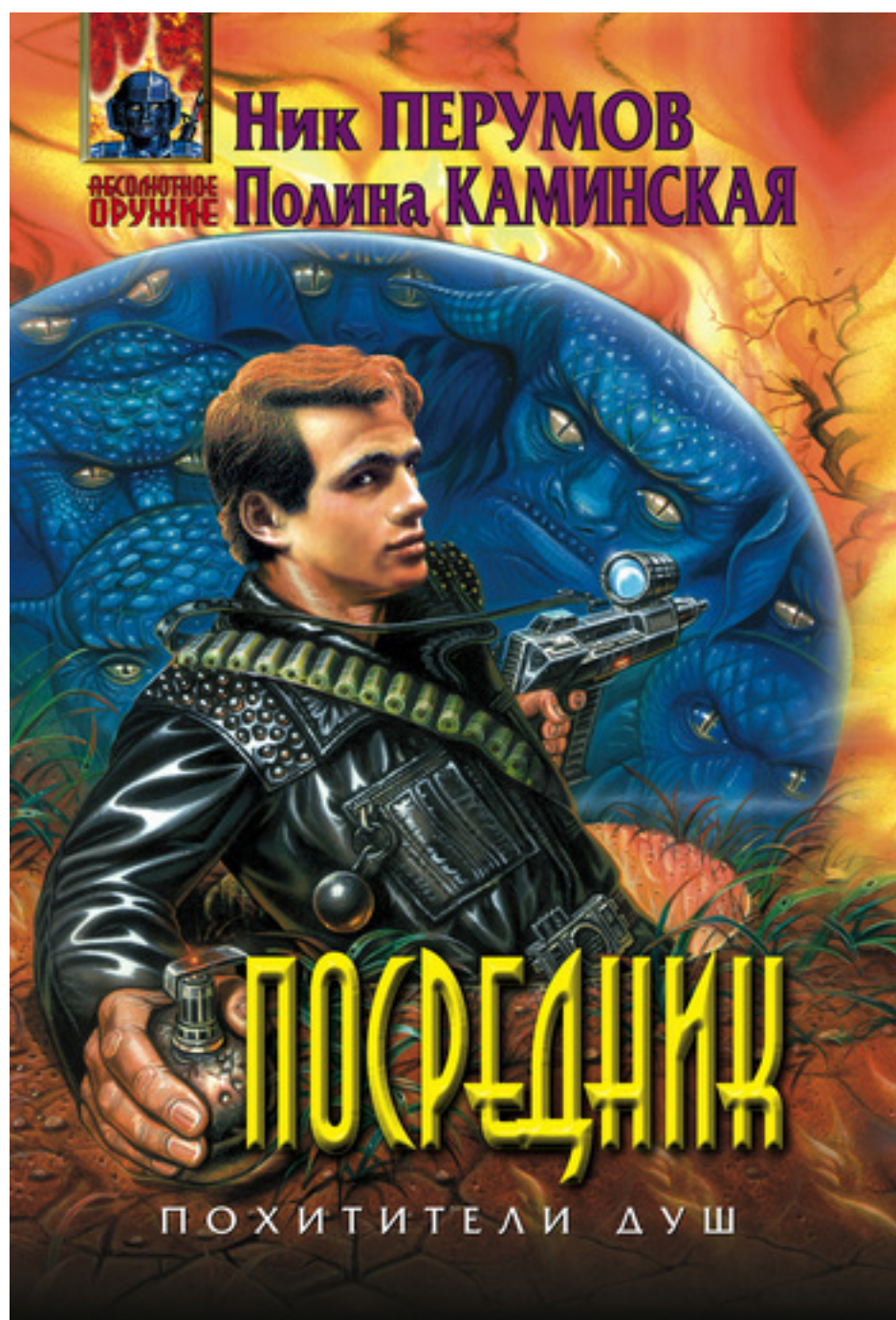

АБСОЛЮТНОЕ
ПРУЖИНО

Ник ПЕРУМОВ
Полина КАМИНСКАЯ

Похитители душ

Ник Перумов

Посредник

«ЭКСМО»

1996

Перумов Н.

Посредник / Н. Перумов — «Эксмо», 1996 — (Похитители душ)

Врач Нейроцентра Игорь Поплавский создает аппарат, способный на время освободить душу человека от тела и отправлять ее в путешествие по реальностям, рожденным глубинами сознания. Для многих пациентов чудодоктора цена за такое освобождение – жизнь. Неужто интеллигентный и обходительный врач на самом деле – кровожадный монстр? На поверку все оказывается намного сложнее, ведь в трагических событиях замешаны враждебные Земле Космические силы.

© Перумов Н., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Интерлюдия I	8
Интерлюдия II	18
Глава первая	22
Глава вторая	28
Глава третья	33
Интерлюдия III	40
Интерлюдия IV	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Авторы предупреждают, что все события, персонажи, учреждения и организации, фигурирующие в данной книге, являются вымышленными. Всякие совпадения с реально существующими лицами и прочим являются абсолютно случайными.

Пролог

Осенний Питер тонул в дождях. Нудные, мелкие и морозящие, они вот уже который день не прекращались ни на минуту. Игорь терпеть не мог осени. «Тоска, неизбывная тоска, которую не разгонишь ничем – ни картами, ни вином, ни женщинами», – вспомнил он какую-то подвернувшуюся цитату, грустно глядя в окно лаборатории. Даже работать не хочется. Вот ни на полстолечка. Несмотря на возможные результаты. А результаты, доложу я вам, потянут на Нобелевку, не меньше. Да что там Нобелевка! Золотой памятник в полный рост при жизни... Правда, где тогда взять денег на круглосуточную охрану...

«Эх, братец, – укорил он себя, – зажрался ты, похоже. Хорошо завлаб не придирается по пустякам, мол, чего ты в разгар рабочего дня бездельничаешь, „мысленные эксперименты“ ставишь. Хотя... То, что ничего тебя не радует и к аппарату подходить тошно, это нормально. Естественная реакция после полугода каторжного труда, когда, забыв о том, что ты вообще-то врач, а не слесарь-электрик, вовсю лудил, паял, потрошил какие-то древние, пылью веков покрытые осциллографы, помнившие, наверное, еще дедушку Попова, создателя радио, не менее древние усилители и тому подобный хлам, который и электроникой-то назвать было стыдно».

В соседних лабораториях с радостно-нехорошим энтузиазмом разгребали руины забытых временем приборов, где наличествовала хотя бы самая простая электронная схема. В дело шло все. Получившийся монстр больше всего походил на машину сумасшедшего ученого из какого-то старого фильма ужасов.

Но Игорь был убежден, что прибор живой. Он то урчал, как сытый кот, то выл, словно побитая собака, то скрежетал, точно по его железным внутренностям разом металось с полтысячи крыс. Контрольные лампочки перемигивались, как глаза стоокого Аргуса.

Дождь сильнее забился в окна.

Надо встряхнуться. Через час первые испытания. Ни кролики, ни обезьяны не годятся. Поэтому работать придется сразу с людьми. К черту осторожность. Иначе никогда не докопешься до истины. Никогда...

Ага, голоса за дверью. Пациент прибыл. Что ж, начнем...

Игорь настроил аппарат, выбросил из головы всякие посторонние мысли и потянулся к пусковому тумблеру.

ФИКСАЦИЯ КАНАЛА ПЕРЕДАЧИ. ЛОКАЦИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ. ПРОСТРАНСТВО... СЕКТОР... СЕГМЕНТ... ОТДЕЛ... КВАДРАТ... ЕСТЬ!

Это было как яркая вспышка на сером фоне. Вспышка, за которой в бесконечность рванулась радужная сверкающая тень, разрывающая унылое однообразие беспредельности. К радужной тени со всех концов потянулись жадные разинутые пасти. Не прошло и мига, как сверкание погасло. И тогда пронесся стон – еще... еще... еще...

ЛОКАЦИЯ. КАНАЛ ПРОБИТ АБОРИГЕННОЙ УСТАНОВКОЙ. СВЯЗЬ НЕУСТОЙЧИВА. ВТОРАЯ ЛОКАЦИЯ. ТИП ЖИЗНИ: ОРГАНИКА. ТИП МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ... СБОЙ. ОТКАЗ. ВТОРИЧНЫЙ ЗАПРОС. ЛОКАЦИЯ. КАНАЛ ПУЛЬСИРУЕТ. ТИП МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ... НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! ЭТО ЖЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ВСЕМУ, ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО О НИХ!

ИЗ ДОКЛАДА СУБЪЕКТА СЛЕЖЕНИЯ КВАДРАТА RQ-WQ ГЛОБАЛЬНОМУ КООРДИНАТОРУ.

«ОНИ ВСЕ МАТЕРИАЛЬНЫ... ИМЕЮТ ФОРМУ, КОТОРУЮ НЕ МОГУТ ИЗМЕНИТЬ. НИКАКОГО РАВНОВЕСИЯ – НЕВОЗМОЖНО УСЛЕДИТЬ ЗА МИЛЛИАРДАМИ РЕАКЦИЙ, ПОСТОЯННО ИДУЩИХ В ЭТОМ МИРЕ. СПЛОШНОЕ КОПОШЕНИЕ МОЛЕ-

КУЛ В ЗАМКНУТЫХ ОБЪЕМАХ. ОЧЕРЕДНОЙ НЕЛЕПЫЙ ФОКУС ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ, КОТОРЫЙ ОНИ НАЗЫВАЮТ „ЖИЗНЬ“.

ОДИН ИЗ ВИДОВ ПРИМИТИВНЫХ СУЩЕСТВ – ТУЗЕМНОЕ НАЗВАНИЕ «ЛЮДИ» – ОБЛАДАЕТ УНИКАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИЕЙ, АНАЛОГОВ КОТОРОЙ НЕТ ВО ВСЕЙ ОБОЗРИМОЙ ВСЕЛЕННОЙ.

МЫ НЕ МОЖЕМ ДАТЬ ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТОМУ ФЕНОМЕНУ. ПОХОЖЕ, ЧТО КАЖДЫЙ ТАКОЙ ОБЪЕКТ – ТУЗЕМНОЕ НАЗВАНИЕ «ДУША» – ЯВЛЯЕТСЯ, ПО СУТИ, НАДПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЫРОЙ, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ МЫ МОЖЕМ ВЫВЕРНУТЬ НАШУ ВСЕЛЕННУЮ НАИЗНАНКУ...

НАМИ БЫЛ ТАКЖЕ ОБНАРУЖЕН ИСКУССТВЕННЫЙ ВНЕПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ «ДУШ». СОЗДАТЕЛЬ ЭТОГО КАНАЛА НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ ОБ ИСТИННОМ НАЗНАЧЕНИИ СКОНСТРУИРОВАННОГО ИМ ПРИБОРА И ИСПОЛЬЗУЕТ ЕГО ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ОРГАНИЧЕСКИХ ПОРАЖЕНИЙ ДРУГИХ ИНДИВИДУУМОВ. ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО КАНАЛ КРАЙНЕ НЕСТАБИЛЕН. ПРЕДЛАГАЮ ДЛЯ СТАБИЛИЗАЦИИ И КОНТРОЛЯ ЗА ВНЕПРОСТРАНСТВЕННЫМ КАНАЛОМ УКОМПЛЕКТОВАТЬ ЕГО СТАЦИОНАРНЫМ МАЯКОМ, МАТРИЧНЫМ УМНОЖИТЕЛЕМ И ПЕРЕДАТЧИКОМ... ИЗ АБОРИГЕНОВ, КОНЕЧНО ЖЕ... ПРОШУ РАЗРЕШИТЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВО НА УРОВНЕ ДО 2Е.

Часть I

Интерлюдия I

Положив оружие на колени, Вомбат с Димой сидели на пригорке, поросшем короткой колючей травой. Когда прут ядовитые лягушки, только и остается, что курить, пережидая, пока кончится это нашествие. Где-то позади тихо и зло чертыхался Цукоша, пытаясь из ошметков ботинка связать хоть какое-то подобие обуви.

Скользкие лиловато-серые твари шли плотным строем шириной метров шесть – ни перепрыгнуть, ни перешагнуть. Цукоше здорово повезло, что на нем оказались толстенные десантные ботинки. Поэтому его попытка перемахнуть лягушачью процессию закончилась только разъеденной подошвой. Можно не спрашивать, попал ли яд на кожу, – тогда минут двадцать назад все бы уже остались без врача. Собственно, любой член Команды и швец, и жнец, и на дуде игрец, но такого специалиста по местным болезням, как Цукоша, не найти ни в Штабе, ни в Поселке, ни даже в Тоннелях, где, говорят, есть вообще все, что угодно...

– Слушай, ну и какого рожна ты полез? – лениво спросил Дима, даже не оборачиваясь. Сигарета в его пальцах дымилась уже полчаса, не меньше. За это личное достижение Стармеха все курильщики Команды уважали его, словно изобретателя колеса.

– Знаешь, – признался как-то Пурген, – завидую я тебе. Экая голова! А вот у меня с логикой плохо. Я бы, наверное, только и смог бы, что какой-нибудь идиотский табачный ларек посреди леса придумать или там дерево, ну, с пачками «Родопи», значит... А у тебя просто – долгоиграющие сигареты. Здорово...

– Нет, Пургеша, – ласково возразил ему тогда Дима, – если бы у меня действительно было хорошо с логикой, я б придумал, что бросил курить.

Подошел Саня, с завистью – эх, и ловко же он! – поглядел, как вкусно выпускает кольца дыма Стармех, и от нечего делать так же лениво, как и сам Дмитрий, съязвил в сторону Цукоши:

– Да, старый, до Боба Бимона тебе как до той башни...

Трепались, убивая время ничего не значащей болтовней. Обычно же в походе говорили редко. Да и что можно обсуждать с людьми, думающими мысль в мысль с тобой, чье любое движение ощущаешь как собственное?

Ну вот, лягушки, кажется, заканчиваются.

– У-у, блин, твари, – почти ласково проводил квакуш Дима. – Отошли...

Вомбат покосился на Цукошу – кажется, тот уже в порядке. Глянь-ка, соорудил вполне приличную обмотку. Толстая. До Просеки точно дотянет, а там старых автомобильных шин навалом. Новую сделаем.

– Давай-ка, толстый, поднимайся! – Грубовато, конечно, зато по делу. Обычный стиль Вомбата. При случае мог он приложить так, что даже у Стармеха розовели уши. Жестковатые мимолетные клички и постоянные прозвища Командира всегда оказывались настолько меткими и по делу, что мужики никогда не обижались. А иногда – например, после суточного перехода, повалившись без сил на землю в какой-нибудь особенно мерзкой дыре вроде Гнилого Подвала в Усть-Вьюрте, – даже ждали, какими греющими душу словами встретит Вомбат падающих с потолка слизняков.

Встали. Автоматы за спину. Вомбат свой карабин повесил на шею, так чтобы можно было в любой миг пальнуть от бедра. Сегодня идем почти налегке – только самый минимум продуктов. Если все окончится хорошо, назад двинем навьюченные, как целый караван ишаков.

Первым свист уловил Двоечник и, охнув, схватился за затылок. Звук начал быстро нарастать. Удача, ах какая все-таки удача, что лягушки задержали Команду на холмах. Через час мы бы уже топали по равнине, а там... На ровном месте спасения от саунд-волны, как известно, нет. Но первая же возвышенность, принимая волну на себя, гасит колебания практически без отражения. Это все, конечно, теория. А практика проста: если наверху – живо вниз! Далее действовал уже не мозг. Тренированное тело моментально сложилось в клубок, руки втянуты в рукава, подбородок плотнее – к груди, падаешь на бок и быстро, кубарем вниз. Голову при спуске поднимать категорически не рекомендуется во избежание расставания с оной.

Все. Доехал нормально. Целую крепко. Ваша репка. Вомбат как следует пропахал колючий склон и теперь лежал лицом в небо, очень хорошо представляя себе ощущения яблока, натертого на мелкой терке. Покосился в сторону – на вершине холма все еще стояло зыбкое марево, совсем как над разогретым асфальтом. Тихо так. Все правильно, слух вернется минуты через три-четыре. Обычное последствие саунд-волны, но каждый раз Вомбат с трудом подавлял желание заправить обратно в уши вывалившиеся мешочки барабанных перепонок. Уж очень живо он себе это представлял.

Командир быстро огляделся, хотя чувствовал – скатиться успели все.

– Почему я не Илья Муромец? – глухо пробурчал рядом Пурген. – Давно пора с этим Соловьем-разбойником разобраться...

Шутка была дежурная, но заржали все. Далее должен был следовать отзыв. Обычно первым откликался Азмун, но сейчас он чего-то молчал, видно, треснулся при падении сильно. Вомбат немного подождал, приподнял голову и, дабы не нарушать традиции, отозвался:

– Да из тебя, Леня, Илья Муромец, как из дерьма – пуля.

Тут оказалось, что традиции почитали все. Фразу одновременно и стройно произнесли три голоса. Командир терпеливо подождал, когда мужики успокоятся – последним еще несколько минут кудахтал сам Пурген, – и прежним суровым голосом скомандовал:

– Все, завязали. Подъем.

До Просеки оставалось часа полтора ходу.

Раньше это был один из самых спокойных участков, или, как говаривал Стармех, «интервалов». Позади – Вредные Холмы, на которых всегда что-нибудь да случалось (вот на сей раз звуковая атака там застала), позади – лягушки (хорошо, что лягушки... а то мог и кое-кто похуже подвернуться). Теперь топай себе, километры считай. Вот только вправо, к полям, забирать не рекомендуется. Для здоровья вельми опасно. Потому как там – малый джентльменский набор удовольствий: Бешеные Пни, Борозда, в которой кто-то живет... да такой, что встречу с ним еще никто не пережил, а кроме них, те, кто и Пней, и Борозд, и даже Горелых Вагонов опаснее, – люди. И тоже с карабинами.

Влево, впрочем, забирать тоже не рекомендовалось. Один в этих местах путь. Одна тропа. Прямоком – к Просеке. И много кто по ней ходит.

...Вомбата спасла только отточенная годами тренировок реакция. Двоечник еще хлопал длинными ресницами, Стармех только поворачивал голову, Пурген закрывал рот, Азмун округлял глаза – а карабин в руках Командира уже коротко плюнул огнем.

Всем хороши автоматы, когда против людей. А здесь, на подступах к Горелым Вагонам, все-таки большей частью иные цели на мушку лезут. Да такие, что на них не пуля, а гранатомет «шмель» нужен. Тот, который с объемным взрывом. Бетонный гараж от попадания его гранатки моментом складывается внутрь, точно карточный домик. Но Вомбат никогда не изменял старому доброму «симонову». Переделан, конечно, под мощный патрон – и стальной рельс запросто насквозь прошивает.

Миг спустя судорожно закашлял десантный «калашников» доктора. Следом за ним открыли огонь Пурген и Дима. Двоечник, как самый хилый, шел почти налегке. Древний «ТТ» – и все.

Из черных скользких зарослей (сколько на них солянку пополам с серной ни лей, все равно живые, гады, – мутировали) вырвались четыре мохнатых клубка. В атаку они бросились беззвучно, и Команде скорее всего тут же и настали бы кранты, если бы инстинкт Вомбата не заставил его навскидку всадить тяжелую пулю со смещенным центром тяжести (такая, попав, в кашу перемалывает внутренности) в совершенно невинную на первый взгляд кочку. Кочка взревела дурным голосом, выпростала четыре мощные кривые лапы, распахнула розовато-серую пасть с зубищами белой акуле впору и маханула прямо к обидчикам. А следом за ней – еще трое.

Группсы. Они же – медвепсы. И откуда только такая помесь могла возникнуть? А впрочем, все законы Менделя и Дарвина уже давно к черту полетели. Возьмите злобность питбулей, хитрость фокстерьеров, ум овчарок, прибавьте силу, почти равную медвежьей, впихните все это в очень крупного дога, грудь ему расширьте вдвое, дайте медвежьим когти и лапы, несообразную пасть, какую только в ужастиках увидишь, тушу покройте густым мехом (легкие пули, бывало, так в нем путались, что застревали сразу в подкожном жиру, не причиняя вреда) – и получится настоящий медвепс. Впрочем, нет, не получится. Поскольку тварь эту представить можно, лишь столкнувшись с ней нос к носу.

Вомбат стрелял, ведя ствол за ближайшим зверем. В твари уже сидело самое меньшее шесть пуль, левую часть головы разворотило в кашу, однако медвепс все еще бежал, и Вомбат знал: бестия успокоится, лишь только запустив клыки и когти в глотку убийцы или если ее попросту разорвут на куски.

Левую переднюю лапу медвепса оторвала только последняя в обойме, десятая, пуля. Рука уже сама оттягивала затвор, впихивая в пазы новую обойму, а медвепс со всего размаху хряпнулся оземь.

Еще одну тварь стреножил Стармех. Длинная очередь подрезала лапы группсу, раздробив суставы. Двое уцелевших, хрипло и яростно взлаивая, отступили. Понятно: им обед на сегодня обеспечен. Свои же сородичи. Такое же мясо, ничуть не хуже человеческого...

На прощание Вомбат прицельно разнес глазницу одному из трупоедов.

Ну все, разошлись. Тот, что остался, не сунется больше. Ему там хавки с избытком хватит. Того, одноглазого, не сегодня-завтра точно сожрет. Со стороны слепого глаза подкрадется – и привет дровосекам.

Держа оружие наготове, отступали. Двоечник отер пот со лба, заткнул пистолет за ремень.

– В кобуру убери, – строго приказал Вомбат. – Мы не в кино снимаемся!

– Ладно... все, нет их. Тот, который цел остался... ушел.

Да какой он целый! Азмун с Пургеном не меньше дюжины пуль в него всадили – и что? Покровит, покровит – и все. А потом пули сами выйдут. Или в том же подкожном жиру застрянут. Командир помнил, как одного такого «старика» им свежевать пришлось. Полсотни свиновых дур насчитали. А бегал ре-е-езвенько!

– Р-разобрались! – скомандовал Вомбат. – Саня! Как у тебя?

– Чисто, – откликнулся Двоечник. – Песики все живое на пару километров вокруг распугали...

Что распугали – это хорошо. Значит, до Просеки можно идти более-менее спокойно. Медвепсы порой надежнее миноискателя. Значит, бродячих курочек можно уже не бояться. Да и прыгуны медвепсов за три версты обходят.

Дорога знакомая, последний раз здесь ходили неделю назад, никаких неожиданностей после группсов вроде быть не должно. Но настроение какое-то дурное. Предчувствие не предчувствие, мандраж не мандраж... Вомбат быстро оглядел ребят. Народ явно расслабился. Как и всегда после пальбы. Дима закурил свою долгоиграющую – обычно на переходе он себе такого не позволяет. Леня что-то самозабвенно жужжит Цукоше, как всегда вытягивая шею и подскакивая на ходу, словно ребенок после зоопарка. А вот Саня хмурится. Ага, тоже что-то чувствует.

– Санек. – Командир чуть замедлил шаг. Сейчас нужно говорить безразлично, даже вяло. Двоечник – человек тонкий, врубается быстро, но и паникер не слабый. А главное – ребят может завести на сорок пять оборотов. – Откуда мрак? Упал неудачно?

– Не... – Саня и так всегда скрипит, как пасту из тубика выдавливает, а сейчас и вовсе паста кончилась. – Влево надо забирать...

Продолжения не последовало, но мужики слышали и тоже насторожились. Вчера ночью план перехода обсудили до миллиметра. Еще удивлялись, до чего ровный получился отрезок. Трехчасовой запас времени, правда, сожрали лягушки, но и до Просеки уже оставалось – чуть. Вомбат мысленно развернул карту. Нет, что-то Двоечник мудрит. Влево соваться никак нельзя. Там Новое Русло, сейчас оно как раз метрах в двухстах. Командир сам видел, что остается от человека в костюме химзащиты при падении в воду. Сам туда, конечно, не полезешь, но вот желающие помочь могут найтись, а самое главное, вода в Русле, похоже, живая – то и дело на берег языки длинные выбрасывает, добычу ищет. И далеко ж, бывает, зараза, выбрасывает! Бродячих курочек и группсов только так ловит. И до чего ж хитрющая! Никогда добычу без остатка не сложет, хоть чуть-чуть гнилого мяса на костях да оставит. И на берег выбросит, вроде как приманка. А курочки с группсами тут как тут... вот и тягаются, кто быстрее... А вот на быстриков река не действует. Ни на полстолечка. Вползают, переползают, чуть ли не купаются. И вот ведь что удивительно – против того же быстрика кислотная граната – самое милое дело...

Дальше вообще атас: Железка, Гаражи, Горелые Вагоны... Чума, одним словом. И близко, отвратительно близко ТЭЦ. Вомбату вдруг показалось, что у него за щекой медный пятак.

– Влево надо уходить... – с тоскливой безнадежностью вновь прокрипел над ухом Двоечник, и только теперь Вомбат допер взглянуть вверх.

– Стоп. – Сглотнул, отметив, как закопошилась в животе изжога. – Ну, Саня, ну, ты монстр! Я ведь даже внимания не обратил на цвет тучи. Неудачный сегодня день, нехороший. Двоечник прав – сваливать надо.

Чуть повернул голову, чтобы слышали все. Не торопясь, но сжато, рублено:

– Изменения в маршруте. Уходим влево. Дистанция четыре шага. Я – первый, Двоечник за мной, Стармех замыкающий. – Взгляд Сани выражал уже полнейшее отчаяние. – Бегом.

Бежали тяжело. Казалось, уварившиеся мозги болтаются в башке, как в кастрюле. Вомбат автоматически замедлил шаг, огибая сыпучий склон. Так же, не раздумывая, прибавил скорости и с остервенением врубился прямо в черные заросли. Чуть не разодрал щеку веткой – вовремя пригнул голову. Если этими черненькими веточками поцарапаешься – сепсис почти гарантирован. Если только не применить немедленной ампутации... Шучу, шучу, конечно...

Недоумение за спиной уже сменилось полным пониманием. Молодцы, даже дыхание не сбили. Ровно идут, как всегда, в ногу, что удивительно, если учесть разницу в росте Цукоши и Лени, например.

Не глядя на небо. Под ноги. Под ноги.левой. Правой. Держи темп. Не оцарапайся. Локтем сбивай ветки. Легко говорить, когда всей спиной чувствуешь белый от страха взгляд Сани и его паническое желание обогнать Командира и припустить что есть мочи – не важно куда, важно побыстрее! Спокойно, спокойно, приятель, держись в строю. Еще метров триста – и ты спасен. Кого это я уговариваю? Вомбат не успел удивиться своим мыслям, внезапно вылетев на открытое пространство. Заросли кончились.

Да, похоже, Трубу в этом месте здорово припечатало. Дыра на месте разрыва до жути напоминала ухмыляющийся рот. А вот чего мы не учли, так это высоты. Секунду Команда стояла, задрав головы, а через две Саня уже карабкался на плечи Азмуна и цеплял веревку за рваный, искореженный край Трубы. Командир успел последним ввалиться внутрь за несколько

мгновений до того, как зашуршали первые мелкие капли. Нормально, успели. В очередной раз прошмыгнули мимо безносой старухи с косой.

– Оружие проверить! – рявкнул Вомбат.

Нельзя расслабляться. Труба – это, конечно же, не Железка и уж тем более не Горелые Вагоны, но и не считающиеся почти мирными Гаражи, где, говорят, какие-то чудики на букву «м» даже жить ухитряются. Но варезку разевать тут тоже не стоит. Ежели Ржавый Червяк тобой заинтересуется... или еще кто похуже... Тут Вомбат пожалел, что нет у них огнемета. Не дает его Квадрат, хоть плачь. И гранатомета «шмель» не дает. Вот «симонов» с мощной оптикой – это пожалуйста. И оптика притом первоклассная: как ни крути, как ни верти карабин, как ни кидай – не сбивается прицел, и все тут.

Слабенький морозящий дождик, вечная примета северной столицы, выглядел совершенно безобидно. Даже странно: с чего это пятеро здоровых мужиков отсиживаются в Трубе – чай, не сахарные. Остро пахло жареными семечками. Дождик оказался еще тем. Даже черные скользкие, ко всему привычные кусты-мутанты судорожно задергались, точно пытались увернуться от падающих с неба капель. Вомбат невольно поднял глаза. Да нет, Трубу делали на совесть. Ей никакие кислотные дожди не страшны.

– Хотел бы я знать, сколько сейчас тут пэ-аш, – мечтательно протянул Пурген, глядя на корчащиеся под дождем ветки, – интересно было б кислотность прикинуть...

– Слушай, молчи уж, исследователь хренов! – Азмун аж перекошило от злости. – Не умничай! А если очень интересно – высунь палец, по степени ожога я тебе сам прикину с точностью до десятой.

Никто даже не улыбнулся. К тому же не факт, что Азмун пошутил.

После долгого рассеянного молчания (изредка кто-нибудь мельком поглядывал на Двоечника, пытаясь по его лицу определить, надолго ли дождь) Командир громко откашлялся, призывая к вниманию.

– Ну что, какие у кого варианты?

Сострил, называется, блин горелый. Варианты! Кое-что из серии: «Вам электрический стульчик или гильотинку?» Минуты три все бестолково орали друг на друга. Многократно отраженные от стенок вопли наполнили Трубу, она загудела, задрожала и, верно, развалилась бы, не гаркни Вомбат громче всех нечто короткое и непечатное. Все. Очнулись. Заткнулись. Устыдились.

– Детки малые, – Вомбат на всякий случай решил подбавить строгости, – пионеры-скауты, «Зарницу» вспомнили? Макулатуру собираете? Саня, что там с дождем?

И без того бледное лицо Двоечника стало чуть ли не прозрачным от напряжения.

– Скоро усилится... Но тучи идут уже другие... Светлые...

С уважением поглядывая на напрягшегося Саню, Цукоша попытался выглянуть наружу. Стармех тут же рывком усадил его на место и, верно, маленько переборщил: тот въехал головой в стенку. «Бом-м-м», – глухо и долго отвечала Труба.

– Вот и половину пробило, – тихонько прокомментировал Леня, но тут же состроил виновникам шума жутко зверскую рожу.

– Кислотную тучу уносит на север, – вдруг спокойно и бесстрастно заговорил Двоечник, полуприкрыв глаза. – Облачность плотная, там еще дня на два дождей.

– Идти скоро можно будет? – Командир и сам бы ответил на этот вопрос, но нарочно подставлял Саню. Двоечник лучше всех чувствует, что там с атмосферой, пусть и выводы сам делает – все-таки член отряда, а не барометр ходячий. Если сейчас Саня скажет, что дальше идти нельзя, нужно отсидеться, опять поднимется шум, кто-нибудь наверняка ляпнет: «А поползли-ка, мужики, по Трубе». Пусть решают. Лично я бы ни за какие туда не сунулся. Но на сей раз, похоже, другого выхода нет. Опять же мужикам в демократию поиграть приятно. «Психология», – одобрил бы Леня.

«Слушали». «Постановили». Идем по Трубе. Следующий разрыв у нее аккурат подле Гаражей. Вомбат усмехнулся. Он даже мысленно представлял это слово написанным с большой буквы. Что поделаешь, если уже давно вереница некогда вождельных бетонных вместилищ для машин превратилась в самостоятельный географический пункт. Командир страшно гордился изобретенным афоризмом: «Чем сложнее время, тем проще названия».

Э нет, ребята, здесь порядок прохождения другой. Тут командир с шашкой наголо на горячем коне ни к чему.

– Первым пойдет Стармех. Я – за ним. Потом Пурген, Саня, Азмун – замыкающий. Объяснить? Объясняю. Хрен его знает, что там впереди, в этой железной кишке.

– Ясно что, – хохотнул Цукоша, добавив пару слов по-латыни.

– У Димы отличная реакция, к тому же у него полные карманы всяких полезных штучек, умеющих очень вовремя взрываться. Двоечник с Азмуном прикрывают. – Остальное не для микрофона: если позади будет что-то не так, Двоечник моментально почувствует. А Цукоша помешает ему надеть глупостей. Впрочем, всему свое время. – Отдых закончить, проверить снаряжение. В случае чего огонь открываем мы с Азмуном.

Все сразу захлопотали, засуетились, потому что решить-то решили, но особой радости от предстоящего по меньшей мере километрового перехода по железному тоннелю высотой чуть больше метра никто не испытывал. К тому же о Ржавом Черве наслышаны были все без исключения. Ну и что – «раньше не попадался»? Раньше не попадался, а теперь вот возьмет и попадется! Из вредности!

Дима шел легко, профессионально плавно переходя от стенки к стенке, иногда помогая себе руками. Он здорово напоминал то ли краба, то ли паука. Несмотря на эти пижонские финты, стармеховский фонарик, не суетясь, выполнял свою работу, прохаживаясь по ржавым стенкам Трубы. Кто-то сзади сквозь зубы тянул знакомый мотивчик. Спокойно идут мужики. Правильно. Труба – она Труба и есть. Выведет куда надо. А про Червя... Так на Окраинах каких только бак не наслушаешься... А дождь и впрямь усилился. Ишь как по железу барабанит.

Железо это тоже... неправильное какое-то. Ему бы давно ржавой окалиной рассыпаться, а оно стоит себе – и хоть бы что.

Несколько мгновений Вомбат позволил себе поразмышлять на эту тему, чтобы хоть чуть-чуть отвлечься от того ужаса, что внушала ему Труба.

Настроение у Командира было прескверное. Вначале заныла шея. Еще через полчаса это ощущение переросло в уверенность, что ходить прямо больше никогда не удастся, – первый нехороший признак того, что вот-вот начнется приступ клаустрофобии. Никто в Команде не подозревал, какие муки на самом деле испытывает Вомбат, чертыхаясь в тесных подвалах, и почему, даже если рядом есть приличное укрытие, они становятся лагерем под открытым небом. Черт, Стармех мог бы идти и побыстрее! Изматывающий темп становится хоть каким-то спасением, когда низкий потолок, кажется, с каждым шагом опускается на башку.

Им так никто и не встретился. Ни мелкие змейки-ферруморки, устраивающие гнезда в проржавевших сплетениях железных конструкций, ни быстряки – тоже, бывает, в Трубу заползают, особенно если преследуют кого. Тихо-мирно, куда как благополучно, они миновали большую часть пути.

Дима предостерегающе выбросил в сторону руку и что-то негромко крикнул. Ну вот, приехали. Дно Трубы уходило вниз под приличным углом. Вомбат вспомнил, как это выглядит снаружи. Как раз перед Старым Руслом некрутой склон, а за ним, справа, – развороченное взрывами Депо. Мужики сгрудились за спиной, пытаясь разглядеть очередной сюрприз сегодняшнего дня.

– Я предупреждал: кишка должна закончиться задницей! – рывкнул откуда-то сверху Цукоша. Остальные промолчали, явно соглашаясь с диагнозом.

– М-да. – Стармех задумчиво вытащил из рюкзака ракетницу. – Похоже на водный аттракцион. Садись в желоб, катишься вниз...

– И с радостным хохотом ломаешь себе шею, – еще более зверским голосом снова встрял доктор. – Прям Диснейленд какой-то!

Похоже, клаустрофобия чуть не сыграла с Вомбатом дурную шутку: он поймал себя на том, что и вправду готов хоть сейчас сигануть вниз, только б поскорее выбраться из гудящего нутра проклятой Трубы. Усилием воли отогнав волну паники, придержал руку Стармеха:

– Подожди, Дим, не стреляй. А если там тупик? Задохнуться хочешь? Или... гнездо чье-нибудь? Хоть тех же быстриков?.. Лучше погаси фонарь, попробуем вначале так посмотреть.

Стармех молча вырубил свет. Пять пар глаз уставились в темноту.

– Я, кажется, вижу... – пискнул Саня голосом Пятачка.

Точно. Внизу лежало слабое пятно серого света. Внизу. Далеко внизу. Очень далеко, черт побери!

– У кого длинные веревки? Стармех, фонарь! Цукоша, давай обвязку. Да шевелись, аппендицит хренов! – Близкий выход вдохновил Вомбата, голос снова построжал.

Сзади завозились, толкаясь и тихо переругиваясь.

– Мужчина! Вы мне все ноги отдавили! – вдруг пронзительно, по-бабы, заверещал Пурген. – Сколько-таки можно прижиматься? Дама, вы на следующей сходите?

Хороший Леня мужик. С юмором.

– Первого спускаем меня, – строго предупредил всех Вомбат.

Тратить драгоценную осветительную ракету он не хотел. Она у них одна... а чует сердце, сегодня еще понадобится. Кроме того, при запуске все вокруг окутывалось удушливым едким дымом, и уже потому устраивать фейерверки в замкнутом пространстве Трубы настоятельно не рекомендовалось. Да, Труба место не слишком опасное... Но береженого, как известно, Квадрат бережет.

Конечно, идеально было бы спустить первым Двоечника. Опасность на Окраинах, как известно, может исходить не только (и даже не столько) от тех, кто бегают, ходит, летает и ползает. Есть штуки и похуже – когда не в кого стрелять и некого жечь самодельными бутылками с горючкой. Всякая бестелесная дрянь... как саунд-волна, например, или Бледные Тени. Ох, до смерти не забыть Вомбату Француза, когда тот умирал у него на руках, а с губ, окаймленных пузырящейся, словно кипящей, кровью, только и срывалось: «Тени, Бледные Тени!» И отчаяние в уже закрывающихся глазах – что не может, не умеет рассказать чужим ему, странным русским языком... Француз тогда собственной кровью нарисовал трепещущий контур, глаза и пасть.

Три недели спустя Вомбат еле спасся, столкнувшись с этими созданиями. А потом устроили большую охоту... и нашли-таки их обиталище, старое хозяйство одной из тягловых подстанций... и Механик наспех собранным генератором инфразвука порвал с десяток Бледных Теней в клочья. С тех пор стало поспокойнее.

Да, Двоечника спустить было б идеально. Но ведь запаникует же в три секунды. Бутылочный осколок ему глазом Ржавого Червя покажется – и пиши пропало. А значит, первым пойдет он, Вомбат. Бутылку с горючкой – на пояс, карабин – на изготовку, вторая обойма в левой ладонной накладке – готов.

Когда спускаешься по Трубе, самый интересный вопрос: кто будет последним? Закрепиться здесь негде, в железо крюк не вобьешь. Чего там Стармех про водный аттракцион говорил? Садись в желоб... Ну-ну, кому-то сегодня придется попробовать. Как-как? – ловить внизу будем (если там, внизу, все чисто). И сразу все – на амбразуру. У Азмуна аргумент верный: последний должен хорошо держать предпоследнего. Значит, сильный и крепкий. На себя намекает. Да только как мы потом твои полтора центнера внизу поймаем, приятель? Дошло? Значит, нужен крепкий, но легкий. Правильно, Пургеша, ты. Аттракционы любишь?

Это хорошо. С водой, правда, в нашем бассейне загвоздка, придется на сухую спускаться, ты уж позаботься, чтоб без штанов не оказаться.

У Двоечника в рюкзаке нашелся отличный кусок плотного капрона, сделали Пургену удобный кокон, деловито начали спуск. Вомбата спускали первым. Он лежал на спине, приподнявшись, как только мог. Размытое пятно серого света приближалось.

Так, не дергайся, Командир. Если там ферруморочки наши любимые, то кидай бутылку. Если быстряки – кислотную гранату, вот она, на правом бедре подвешена. Если паче чаяния группсов занесло, то пали без устали. И... моли местного Окраинного Бога, чтобы мужики не начали поливать тебя сверху свинцом, как бы стараясь помочь...

Его уже опустили почти до самого низа, когда Вомбат щекой вдруг почувствовал идущее откуда-то тепло. Приятное такое, мягкое, совсем не опасное... В следующий миг наверху что-то истошно завопил Двоечник. Вомбат понял все сразу – руками, мускулами, инстинктами, но не разумом. Разум отчаянно восставал. «Такого не может быть!» – верещал он, этот разум, еще не созная, что через миг он может превратиться в самую что ни на есть грубую протоплазму.

Вомбат выпалил вниз не глядя. Раз, другой, третий. И только после этого увидел, как дрожит горячий воздух над докрасна раскаленным железом. Волна сухого жара окатила его с ног до головы.

Труба лопнула. Через острые, пышущие огнем края разрыва внутрь полилась бесформенная серая масса, пучащаяся, пузырящаяся, наполняющая воздух нестерпимой вонью. Пули одна за другой впивались в тушу Ржавого Червя без всякого видимого результата. А серое тело легко и как-то очень неприятно быстро заскользило вдруг вверх, к ногам Вомбата.

Ну, дружочки-молодцы, теперь только бы у вас нервишки не сдали и не начали вы меня выдергивать. Ржавый Червь чувствует движение, как ни одно живое существо на Окраине. Чует и бросается вслед.

– Не дергаться там, наверху, мать вашу! – заорал Вомбат.

Обойма опустела. Так, пошла вторая. Открыть затвор... рвануть клапан... вставить обойму... вогнать патроны в магазин... закрыть затвор... все!

И вновь загрели выстрелы. Смертельный номер, черт побери. Так, ну, наверное, хватит... Вниз кувыркнулась кислотная граната. Раздалось громкое шипение. Его сменил пронзительный свист. Хлопнуло, точно рванул громадный воздушный шарик. Трубу окатило липкой вонючей дрянью. Вомбат брезгливо поддернул ноги.

Все, конец, погашен свет, и клоуны усталые уснули... Там, наверху, похоже, тоже. Придется взбодрить.

– Эй! Держальщики хреновы! Шевелиться будем, нет?

Труба вмиг наполнилась заполошными воплями. Понятно-понятно. Отец Командир чуду-юду сразил. Веселитесь.

– Меня поднять! Пару зажигалок приготовить! – И, когда по Трубе прогромыхали вниз два темных предмета, сам кинул бутылку с горючкой. Вспыхнуло так, что стало больно глазам.

Раствори меня быстряк, что там может так гореть, не кишки же Ржавого Червя, на самом деле?! Впрочем, сия иллюминация – ненадолго...

Команда остолбенело пялилась вниз. Никто, даже самый бывалый из всех Дима-Стармех, ни разу не видел, как полыхают останки Ржавых Червей. А вот он, Вомбат, видел... теперь уже трижды. Первый случай стоил пяти жизней. Второй – одной. Ну, а на третий мы уже в плюсе.

– Как ты сумел, как ты сумел? – позабыв о застенчивости, тормозил Командира Двоечник.

Как, как... каком кверху. Квадрат ведает, сколько народу искать Врата отправилось, прежде чем поняли: ни бензин, ни пули, ни водка царская по отдельности Ржавого Червя не возьмут. Расстреляй ты его хоть из четырнадцати с половиной миллиметрового станкача – ему хоть бы хны. Утопи его в цистерне с кислотой – всплывет, удовлетворенно облизываясь. Залей

бензином (да что там бензином – напалмом!), подожги – ему и то нипочем. А вот если его шкурку как следует пулями продырявить, а потом кислотную гранату кинуть, то очень даже ничего получается. Правда, внутренности червячка нашего тебя все равно схарчить попытаются, но тут уж бензинчик в самый раз оказывается...

– Браво-браво, ну что вы, право, – огрызнулся Вомбат в ответ на восторги Команды. Дети, е-мое. – Отставить эту похабень! Сейчас остынет – спустимся...

Так и случилось. Первым слез сам Вомбат (мало ли чего), потоптался по жирному пеплу; за ним двинулись остальные.

И все бы, наверное, закончилось хорошо – держали, страховали, пружинисто прыгивали на землю один за одним, палатку свернутую положили на нижний рваный край Трубы, – если бы не повело Леню так сильно вбок у самого выхода. И скорость-то не такая уж большая была. Командир успел заметить, как Пурген инстинктивно выставил руки вперед, пытаясь схватиться за край (зачем, Господи, зачем?!). Зацепился, неуклюже переломился в спине и рухнул на Стармеха.

Когда Леню поднимали, Вомбат почувствовал, какой горячий капрон у него на спине.

– Да осторожно, вы! Не ворочай, клади на землю! Аптечку давай! – орал Цукоша, крепко держа Пургена за руки и стараясь остановить кровь.

Изящные бледные ладони физика-теоретика превратились в искореженные лапы. Несколько минут Пурген лежал без сознания, потом пришел в себя и начал биться.

– Держи! – гаркнул Азмун что есть мочи, обращаясь ко всем сразу. Нашел глазами Командира, молча показал: перехвати запястья, открыл аптечку.

Дальнейшее происходило молча, но очень сумбурно. Леня отбивался, как дикий зверь. «Шок», – подумалось Вомбату. Саня с Димой пытались сесть пострадавшему на ноги, Цукоша плясал над ним со шприцем, поскальзываясь на мокрой траве. Кровищи вылилось просто море. Поэтому, когда наконец Пургена заломали, вкололи успокоительное, противостолбнячное и перевязали руки, видок у всех был – закачаешься.

– Как думаешь, позвоночник цел? – тяжело сопя, спросил Стармех, сидя на корточках.

– У кого? – поднял брови Азмун. – У этого шайтана? Извини, Дима, за всю свою богатую практику ни разу не видел, чтобы человек с переломом позвоночника так сильно и метко лягался. Ты лучше скажи: у тебя кость цела?

– Ну, жлобы... – Саня был возмущен до предела. – Тут такое несчастье, а вам – шутки...

– А ты поплачь, – сквозь зубы проскрипел Дима. Не любит он Двоечника, что тут поделаешь.

Вомбат уже повернулся, чтобы вмешаться, но споткнулся взглядом о лицо Сани. Это не дождь. Парень, оказывается, ревет в три ручья. Вот те на! Привал нужен, срочно нужен привал. И желательно под крышей. Хорошо, что Гаражи уже совсем рядом.

– Встали. – Нет, ничего не добавил, хотя чесался язык приложить кого-нибудь, хоть бы Червя или Трубу эту проклятушую.

Осень, черт, темнеет быстро. Пока нашли пристойный Гараж, вообще ни хрена не стало видно. Сунулись в один, в другой: кто-то до нас постарался – так уделали, не войти. Даже трупа в углу валяется. Собаки пробежали. Дикие. Но пуганые. Обычные собаки, без выкрутасов. Стармеха пришлось немного приструнить, а то бы всех перестрелял. Пурген еле ноги волочит; как только остановились, свалился на пол и затих. Правда, потом к костру подобрался, Саня его чаем поил.

Черт, ну и походик! Давно такого не было. Лягушки, саунд, группсы, дождь кислотный, а в довершение всего Ржавый Червь! Тьфу, пропасть... Если бы не Назгул да Француз-покойник, царствие ему небесное, нипочем бы не узнал, как с этой тварью справляться.

Вомбат сидел у выхода из гаража, курил вечернюю сигарету и глядел в сторону Города. Темно. Раньше ведь как бывало: ночью в чистом поле станешь, по сторонам посмотришь, сразу

ясно, где Ленинград: засветка на полнеба. Как там сейчас, интересно? Надо завтра у Зеленого спросить. Он в Город шастает. Вот и в этот раз – задание, говорит, из самого Центра. Господи, какой Центр? Так, разношерстная команда, пытающаяся взять на себя управление ошметками населения. Хотят вытащить из метро стратегические запасы, да вот на проблему напоролись. Вомбат усмехнулся. Вспомнил, какие страшные глаза сделал Зеленый в этом месте своего рассказа.

– Там крысы водятся...

– Размером с корову! – предположил Вомбат.

– Нет, с виду обычные. Железа у них какая-то специальная появилась. Наркотики вырабатывает.

– Как это – наркотики? – Командир поморщился: очередная байка. Таких бредовых историй сейчас тьма-тьмущая гуляет. Жаль только, что половина из них правдой потом оказывается.

– А так: пробежит такая мимо, прыснет из этой железы – у тебя и крыша поехала...

– Галлюцинации?

– Ну.

Мужики пока этих подробностей не знают. Завтра утром Командир встречается с Зеленым и с кем-то из пресловутого Центра. Обещали противогазы и карту тоннелей метро. Разберемся. Пургена придется оставить здесь. Будем для важности считать, что эта загаженная дыра – наш базовый лагерь. Все ж Гаражи. Не Труба и, уж во всяком случае, не Железка. Не говоря уж о ТЭЦ.

Вомбат подошел к Диме. Рядом спал Леня, постанывая во сне, бережно положив на пол замотанные бинтами руки.

– Подъем! – Стармех проснулся моментально. – Дежурить. – Передал часы, засомневался, не покурить ли еще раз перед сном, да раздумал. Завтра день обещает быть трудным.

Интерлюдия II

- Оксана Сергеевна, вы меня слышите?
- Да.
- Как вы себя чувствуете?
- Хорошо.
- Голова не кружится?
- Голова... Немножко... В ушах шумит...
- Расслабьтесь. Вспомните, как это было в прошлый раз. Дышите глубоко. Слышите музыку?
- Нет... То есть... Да...
- Сосредоточьтесь. Вы знаете, куда отправляетесь?
- Да.
- Думайте только об этом. Приготовились. Я начинаю считать. Когда я назову цифру «пять», вы крепко заснете. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

В углу детской мягко-мягко мерцает маленькая лампадка. Застыли образа в дорогом золотом окладе. Очень-очень дорогом. Няня, правда, этого не одобряет и ворчит – мол, на такие деньги... и начинает перечислять, что можно было бы сделать на такие деньги. Но тут слушать ее становится совсем неинтересно, потому что говорит она про надоевшие еще в гимназии «штуки ситца» и тому подобное.

За окном – осень... октябрь. Тяжелые розовые шторы с кистями задвинуты неплотно; в узкую щель пробивается свет мотающегося на ветру уличного фонаря. Дождь... Моросит, окутывая фонарь облаком серебряных искр. Тихо. В двухэтажной квартире красивого дома на Большом проспекте Петроградской стороны все спят. По соседству с детской похрапывает нянюшка. Уже старенькая, подслеповатая, но любимая. Верный хранитель нехитрых тайн двенадцатилетней хозяйки комнаты с розовыми шторами. Девочка со странным именем Соломонида (по-домашнему – Соля, Соль, иногда даже – Солонка, но она никогда не обижается) лежит сейчас без сна под теплым одеялом. Она подозревает, что как раз сейчас в темной гостиной собрались на ночное бдение все домовые квартала. Девочка не очень верит в домовых, но иногда так хочется, чтобы они были...

За гостиной – папин кабинет. Папа – знаменитый изобретатель. Он сейчас в отъезде. Война, и он, генерал, почти не бывает дома. Мама говорит, что папины новые пушки вгонят ее в гроб скорее тевтонов... Но это она так шутит.

Потом – библиотека, потом – комнаты старших братьев. Обе пусты. Миша уже три года на фронте, штабс-капитан, полный георгиевский кавалер, получил от государя золотое оружие за храбрость... Алеша только-только закончил юнкерское училище и тоже воюет... Как хотелось бы девочке оказаться рядом с ними! Сестрой милосердия... вынести с поля боя... спасти...

Трое старших сестер тоже не всегда ночуют дома. Елена, вторая после Миши, – доктор и все время в госпитале, врачует раненых. Таня и Наташа, двойняшки, еще учатся, тоже на докторов. И все время подле старшей. А у Елены есть и жених! Полковник Кутепов. Девочке Соле он очень нравится. Тоже воюет... Ах, ну когда же кончится эта глупая война! Чтобы все снова собрались в огромной гостиной... И чтобы было Рождество...

А еще в квартире есть мама. Совсем рядом, по другую сторону от детской. Там у нее будуар, полный самых-самых удивительных штуквин. Среди них – маленькая часовенка, самая настоящая, освященная митрополитом... Мама очень набожна. А вот она, Соль, не слишком. Ведь если бы и впрямь был добрый Боженька, разве позволил бы он, чтобы папу и

брата Ксени, лучшей подружки, соседки по парте, убили бы в один и тот же день? Ксения после этого стала совсем-совсем седой, точно древняя Маланья, побирושка на паперти...

Девочка Соль лежит без сна. За окнами, что заклеены на зиму вошеной бумагой, уныло стучит дождь. Мерцает лампадка. За стеной похрапывает нянюшка. А Соль крепко помнит тревожные глаза мамы... и сухой, надтреснутый голос Елены, когда та ненадолго заскочила домой перед ночным дежурством:

– Они вот-вот взбунтуются... Мама, наверняка будут погромы. Забери Сольку, и перебирайтесь к нам. Госпиталь все ж... много офицеров... А у них – оружие...

– Господь не допустит... – жалобно возражает мама, и девочка Соль знает, что дело плохо.

– Господь помогает тем, кто сам себе помогает, – хмуро бросает Елена. – Андрея, работника, отошли. А то не ровен час...

Мама молча кивает. После того как Ленка танцевала с самим государем на балу, устроенном для лучших докторов и сестер милосердия, мама преисполнилась к ней неимоверного уважения.

– Я наш дом не брошу, – тихо говорит мама, и Соль вздрагивает. Когда у мамы такой голос, это значит, что от своего она не отступит. Лена это тоже знает.

– Я постараюсь... прислать кого-нибудь из друзей... – все так же хмуро роняет она и уходит в сыплющую дождем ночь. Ей нельзя задерживаться. Докторов не хватает, и раненый может умереть, если она опоздает...

И девочка Соль слышит, как мама молится.

А потом приходят трое друзей Лены. Трое офицеров – поручик, капитан и уже немолодой грузноватый полковник. Семеновна поит их горячим чаем со своими неподражаемыми пирогами, вполголоса ругая каких-то бунтовщиков... Сейчас все трое гостей дремлют, не раздеваясь, в буфетной. И Соль помнит, как седой полковник, чем-то неуловимо похожий на папу, церемонно целует маме руку и негромко говорит ей (он не хочет, чтобы Соль слышала, но у нее такой острый слух!):

– Княгиня, мы отсюда не уйдем. Пусть эта мразь только сунется. Ваша дочь спасла жизни... всем нам, и мы будем стоять на пороге вашего дома, как стояли в предместьях Варшавы...

Девочка Соль ждет. Она не боится. Боишься – это когда не знаешь, что произойдет. Она же каким-то чудом знает все. И потому совсем не пугается, когда на улице внезапно начинают сухо трещать выстрелы.

В буфетной вскакивают на ноги офицеры. Заохала, просыпаясь, нянюшка за стеной. А девочка Соль отбрасывает одеяло и бежит к окну. В детской не простое окно, а эркер; и виден весь Большой проспект...

Из дождливой тьмы возникают люди. В черных бушлатах, кургуzych шинелях, вовсе в лохмотьях... У них в руках – винтовки. И они очумело палят во все стороны... «Не жалеют патронов», – как сказал бы Зверобой.

И девочка Соль знает, что сейчас такие же точно промокшие, пахнущие отвратительной дешевой махоркой люди, грязные и страшные, идут по Знаменской и Большой Зеленина, Гатчинской и Лахтинской, по прочим мелким улицам Петроградской стороны. Идут те, которые убьют и офицеров, и Семеновну, и нянюшку, и маму, и ее, девочку Соль, – убьют, если только смогут. Но ей не страшно. Как замороженная смотрит она и видит, как густеет поток вооруженных людей, как сыплются пробитые пулями стекла, как, несмотря на дождь, загорается витрина кондитерской Бламанше, где всегда подавали такие вкусные профитроли с шоколадом, как из парадной дома наискосок начинают вытаскивать полуодетых людей. Дворник, старый аккуратный татарин Мустафа, уже лежит возле поваленной афишной тумбы, а ненужная метла все еще стоит, бережно прислоненная к стене...

Потом совсем рядом, в буфетной, с хрустом распахиваются окна и раздаются громкие-громкие хлопки – один, второй, третий...

В квартире – суета, топот и крики; удивительно, неужели весь этот шум и гам подняли всего лишь мама, Семеновна и нянюшка?..

Девочка Соль не удивляется, что дверь в детскую остается плотно закрытой. Словно так и надо, чтобы она стояла возле окна в одной ночной сорочке.

Уже почти все магазины на проспекте горят. Кое-где пламя появилось в окнах вторых этажей. Девочка Соль видит, как человек десять с винтовками бросаются к их парадному... Хлопают в буфетной револьверы, падает один из нападающих, второй...

И тут совсем недалеко раздается спокойный сигнал горна. Девочка Соль оборачивается.

Редкая цепь одетых в длинные шинели юнкеров идет, вскинув винтовки, прямо на катящуюся темную толпу. Внезапно сгустившуюся тишину рвет дружный винтовочный залп. Те, в темном, кричат. Падают. Ползут. Корчатся. Кто-то из них стреляет с колена в приближающихся юнкеров. Кто-то падает в негустой цепи. Но залп следует за залпом. Звенят на мокрых камнях стреляные гильзы.

Однако мятущаяся толпа напирает; всюю гремят ответные выстрелы, и цепь юнкеров поневоле рассыпается. Начинается перестрелка. Вновь копится в глубине проспекта черная толпа – там, куда не долетают юнкерские пули...

А под ударами трещит дверь квартиры. И офицеры уже не стреляют из окон буфетной, помогая юнкерам, а с грохотом стаскивают мебель в прихожую...

Рыча мотором, смешно ворочая башней с толстым пулеметным рылом, из-за спин юнкеров внезапно выворачивает броневик. На улице словно начинает работать громадная швейная машинка, совсем как мамин «Зингер», только очень уж большой.

– А-а-у-а!.. – кричит темный проспект. Люди бросают винтовки и бегут. Жадно фыркая и взрывая, броневик ползет за ними. Вокруг пулеметного дула пляшет огненный венчик. А следом за броневиком с лихим гиканьем несутся всадники.

Казаки!..

Сверкают вскинутые шашки. Коротко взлаивают карабины. Следом за донцами бегут в атаку юнкера.

Девочка Соль медленно отходит от окна. Откидывает одеяло. Ложится. Противоположная эркеру стена пробита тремя шальными пулями. Разбитое стекло держится чудом. В дыры врывается холодный ветер. Но Соль спокойна. Она засыпает.

...А потом все как-то быстро кончилось. Мама долго плакала и ставила свечки всем угодикам. Она отчего-то была уверена, что ее младшенькую увела с собой Елена...

А сама Соль наутро, когда город очнулся от ночного кровавого наваждения и казаки деловито добивали остатки бунтовщиков на дальних окраинах, – сама Соль неожиданно для всех потребовала карандаш и бумагу и несколькими штрихами изобразила ночной проспект, и тело Мустафы рядом с метлой... и мертвого юнкера, настигнутого шальной пулей в последний момент, когда ночные убийцы уже обратились в бегство...

– Так она все видела, – охнула Елена.

А Соль молчала. И – рисовала. Как никогда доселе. Броневик, изрыгающий огонь. Казака с занесенной для удара шашкой. Юнкера, выбросившего вперед штык...

Офицеры молча смотрели на ее рисунки. А потом полковник осторожно сказал:

– У девочки талант. Надо показать профессору Флейшману...

А потом все стало еще лучше. Война кончилась. Миша с Алешей вернулись. Раненые, но живые. И папа вернулся. А девочка Соль поступила в Академию художеств.

И летели годы.

Она встретила Его на прощальном вечере выпускников Академии. Он был морским офицером. На своем миноносце Он дерзко поставил мины у самой вражеской гавани. И на сле-

дующий день, подорвавшись на них, погиб громадный тевтонский крейсер. Молодой офицер тоже был художником.

Они поженились.

Потом, когда девочку Соль уже давно называли не иначе как Соломонида Сергеевна, когда уже были за ее спиной выставки в Париже, Риме, Лондоне и – самая главная – в Москве, в Третьяковке, снова случилась война. И как тридцать лет назад, выступал государь. И шли через Петербург войска. И папа, сильно постаревший, вновь мотался по полигонам, забыв про свою отставку. Миша командовал фронтом. Алексей – ударной танковой армией. Лена стала знаменитым хирургом. Таня и Наташа – тоже, пусть и не такими знаменитыми.

Но кончилась и эта война. И русский флаг вновь победно развевался над вражеской столицей.

И рождались внуки.

А потом умер папа. Умер, когда сделал последнее великое дело в своей жизни. Космический корабль с двуглавым российским орлом на борту первым обогнул планету. Папе было за девяносто. Но до последнего дня он консультировал. И не было случая, чтобы он ошибся. Когда ему доложили, что полет прошел нормально и посадочная капсула на Земле, он заплакал. И сказал: «Жизнь сделана».

И рождались правнуки.

А потом настал и ее день. День девочки Соль. Давно уже не было в живых братьев и сестер. Пришла и ей пора следовать за ними. И она знала, когда это произойдет. После последней выставки в Москве в новой, заботливо отреставрированной Третьяковской галерее.

Она перерезала ленточку. Государь подошел поздравить ее. Сказал что-то теплое. Она смотрела на запрудившую весь переулок толпу жаждущих попасть на выставку... и вдруг почувствовала, что голова кружится. Это было не страшно. Даже, напротив, приятно. Она вновь видела маму, папу, нянюшку; живые, здоровые, они радостно улыбались ей:

– Иди сюда, это совсем не страшно, Солюшка-Соль!

Она знала. Знала, хоть и не ходила в церковь. Что ж... это хорошо... что *там* есть что-то еще, кроме мрака и небытия.

Вот и другие. Лена, Таня, Наташа... Алеша... Михаил... Братья при орденах, в парадных мундирах – так их хоронили, прославленных генералов...

– Я иду к вам, – тихо сказала девочка Соль.

Она шла через какой-то скверик. Жалкий, вытопанный и замусоренный. Но это было лишь преддверием. Падшие духи часто заставляют видеть такие картины, желая внушить возносящейся душе уныние и неверие в Господнюю милость. Она не поддастся. Вот только очень тяжело идти... Наверное, можно присесть... отдохнуть... Лавочка... очень кстати... я посижу тут совсем-совсем чуть-чуть, а потом пойду дальше. Ведь нельзя же заставлять вас ждать, мои дорогие...

Глава первая

Саша

Утро было самым обыкновенным. Ленинградским, то есть, пардон, уже санкт-петербургским. Тоскливая мгла да приветливо-тяжелый мокрый туман. Сию специфическую взвесь «вода в воздухе» московские синоптики, не стесняясь, именуют «морось». Из тысяч радиоточек на кухнях – отдельных и коммунальных – энергичная Регина Кубасова радостно оповестила земляков о «переменной облачности» и «влажности воздуха сто процентов». Деланно веселые ди-джеи «Европы-плюс» и «Радио-рокс» вскрыли первые утренние баночки «джин-тоника». Последовали стандартно-плоские шутки насчет погоды. На «вертушках» закрутились «November rain» и запыленный хит Серова «Мадонна».

– Валера, блин, что за формализм? – Леня Свирченко стоял, опершись о стол и нависая над лейтенантом Дрягиным всей своей сотней кило накачанных мышц, упакованных в серую милицескую форму. Из Лени получилась бы неплохая реклама «Сникерсу», если только приодеть соответствующе. – «Скорая» когда прозвонилась? Семь сорок пять, правильно? Моих всего четверть часа осталось. Ну, подумай, если мне сейчас на труп ехать, наверняка к Людке опоздаю... Опять скандал... И все из-за тебя, питекантропа... Валер, дело-то пустяковое – документы есть, насилия явно никакого... Родственникам сообщили... Бабушке девяносто лет. Гуляла, присела на скамейку, ну и дала дуба...

– Слушай, свали, а, Шварценеггер. – Лейтенант безжалостно прервал Ленины мольбы. Достал из кармана пачку «Беломора». – И прочти наконец, Аллахом тебя молю, «Двенадцать стульев».

– При чем тут стулья? – К книгам Леня Свирченко доверия не питал. Бог весть, как оценили в школе знания лейтенанта Свирченко по предмету «литература», но каждый его рапорт вызывал в отделении бурю неподдельного восторга. Перлы же типа «неопознанный труп слесаря Селезенкина» давно и прочно заняли свое место в милицеском фольклоре.

– Да при том. Это еще Ильф и Петров популярно объяснили, что не может старушка «дуба дать». – Усталое Валерино лицо на секунду скрылось в облаке дыма. – Ты ведь, Свирченко, на юрфак у нас вроде как собираешься? Так это там на вступительных экзаменах спрашивают.

В небольшом уютном садике на Петроградской невыспавшийся врач «Скорой», нащупав в кармане пачку сигарет, в очередной раз мысленно похвалил себя за то, что, уходя из дома, сообразил надеть теплый свитер жены.

– Поехали, Веня, – сказал он водителю, пожалуй, слишком бодро.

Он зачем-то еще раз обернулся к скамейке. И что его так проняло? Накатывало странное чувство, давно уже не испытываемая смесь ужаса и отчаяния. Как нелепо... Маленькая аккуратная старушка сжимала платочек уже окоченевшими пальцами. «Надо бы положить ее, что ли?» Врач с трудом отвел взгляд от умершей, пытаясь стряхнуть наваждение.

Резко хлопнула дверца. «Скорая» развернулась и осторожно поползла к воротам парка, увозя так и оставшегося безымянным врача. Оксана Сергеевна Людецкая осталась сидеть на берегу пруда. Привычные к угощению утки несколько раз подплывали к берегу, ожидая булки. Их совершенно не интересовало, каким уже отлетевшим в небытие мыслям улыбается мертвая женщина.

Часа через два хроменький сторож принес простыню. Крупная фигура и мрачное лицо лейтенанта Свирченко к вопросам не сильно располагали, поэтому гуляющие в саду мамыши обходили белую фигуру на скамейке стороной, а сотрудники института просто ускоряли шаг,

настороженно косясь на угрюмого милиционера. Труп увезли лишь в половине восьмого вечера. Мышцы лица разгладились, рот приоткрылся. Никто уже не увидел так поразившую врача улыбку.

Саша ехал домой. Вытянув ноги между двух корзин с дачными дарами, он сперва попытался поразгадывать кроссворд, но утро понедельника и рывки электрички совершенно не располагали ни к мыслям, ни к писанию. «Хорошо, что не взял цветов», – рассеянно порадовался Саша. Дарья Николаевна, бывшая теща, долго и настойчиво ходила за ним по участку, предлагая нарезать гладиолусов.

Через полчаса народу в электричке набралось уже порядочно, и хотя езды оставалось от силы десять минут, то тут, то там начали потихоньку переругиваться. Благо тема была одна: затянувшийся ремонт в метро. Почти треть бывшей Кировско-Выборгской линии по выходным была закрыта. Дачники недоумевали, но покорно толклись на Финляндском вокзале, в два раза переплачивая за проезд. Жильцы ближайших домов около закрытых станций ворчали, но изобретательно пользовались наземным транспортом и выходили, направляясь в гости, за два-три часа до назначенного времени. Поражало удивительное равнодушие (что можно так долго ремонтировать в метро на таком здоровенном отрезке?) и несокрушимая вера (раз делают, значит, так надо!).

Рядом сидели друг напротив друга девушка и парень. Девушка сразу же достала из сумочки громадную косметичку и зеркальце. Долго и сосредоточенно красила губы. «Равнодушный вурдалак, – подумал Саша, украдкой наблюдая результат. – Моя бы воля – у всех их краски эти дурацкие поотбирал бы. А то вместо Фредди Крюгера в „Кошмаре на улице Вязов“ сниматься могут».

Несмотря на отчужденность, с которой каждый из них занимался своими делами, было ясно, что это молодожены. Уж больно ярко сверкали новенькие обручальные кольца. Встречаются такие милые пары, при первом же взгляде так и представляешь их в свадебных нарядах. Кажется, все предназначение этих людей – надеть ослепительно белое платье с ворохом фаты, новехонькую «тройку» от «Версаче» и, прижимая к груди цветочный веник, ослепительно улыбнуться в камеру со ступенек Дворца бракосочетаний.

Отвратительно зануло сердце. Саша резко отвернулся к окну. Лес за стеклом исчез. Мелькающие снаружи сосны заслонила гримаса усталой ненависти, с которой Лена обычно встречала его с работы или принимала утренние ласки. Нет, сколько ни проживи он на свете, никогда ему, наверное, не смириться и не понять, как могла его золотоволосая тростинка Аленушка так быстро превратиться в здоровущую крашеную рыжую бабу. А два года назад она торжествующе ткнула Саше в лицо паспорт с только что оттиснутым штампом.

– Все! Свободна! – Эффектно крутанулась, мазнув широким шелковым рукавом по щеке, и ушла прочь походкой манекенщицы, точнее, жалкой на нее претензией.

Да пропади все пропадом! В тот момент от злости и отчаяния Саша был готов ее убить. Хорошо, вовремя вспомнил о школьном драмкружке. Лена часто упоминала какую-то роковую героиню в своем неотразимом исполнении. Конечно, не свободе своей мнимой она радовалась, просто фразу красивую заранее приготовила да блузкой новой заодно похвасталась.

Перед выходом из электрички Саша еще раз мельком глянул на молодую пару, словно извиняясь за свои мрачные мысли. Откуда же все-таки взялось это дурацкое утреннее настроение? Тридцатилетнего Александра Юрьевича Самойлова можно было смело назвать человеком, не верящим в тринадцатые числа, черных кошек, предчувствия и предсказания... Разве только ироничную усмешку мог вызвать у Саши вкрадчивый голос дежурного астролога или жуткая история соседки («...она его вот так в руку взяла, сжала, а кольцо и почернело!..»).

Но как только жетон метро исчез в прорези автомата, Саша сразу вспомнил сегодняшние ночные кошмары на душной веранде в окружении злобных последних комаров. Да, да, снилось

под утро что-то связанное с поездами и тоннелями. Даже не пытаюсь вспомнить подробнее, он тряхнул головой и прошел по платформе к первому вагону. Приснилось, ну и фиг с ним. Вообще не надо, наверное, было ездить на дачу. Как любой городской житель, Саша трудно переносил обилие свежего воздуха и чистую колодезную воду. На работе мужики каждый раз сопровождали его отъезд дурацкими шуточками. Ну еще бы, добровольно переться в гости к родителям бывшей жены! Забыл, что ли, как после развода вся команда заново собирала ему весь домашний скarb, вплоть до чашек и вилок?

– Ты там как, с Ленкиными новыми хахалями не сталкиваешься? – ехидно интересовался моторист Гоша, человек темный и неделикатный... – Поздновато ты, брат, с тещей подружился...

Сашу и самого всегда удивляло, почему во всей большой и дружной семье Лены единственным несовместимым с ним человеком оказалась именно она, его жена.

Толпа, вывалившаяся из электрички, быстро заполняла вагоны метро, привычно пихаясь корзинами и тележками. Чей-то лохматый букет таки шмякнуло дверями, и под негодуящие крики старушки поезд тронулся. Саша решил немного переждать и отошел в сторонку. В последнее время ему очень нравилось, стоя у первого вагона, смотреть на экран телевизора в начале платформы. Немного полюбовавшись своей спортивной фигурой, он отвлекся на крупную даму в спортивном костюме. Мадам с каменным лицом запихивала в сумку абрикосового пуделя. Надпись на ее черной необъятной футболке гласила по-английски: «Я убила Дороти Кляйн». «Правильно, тетка, – подумал Саша, – чего с этой Дороти церемониться!»

«На прибывающий поезд посадки нет, отойдите от края платформы», – казенно забубунило в уши. На экране хорошо было видно, как послушно отступил народ.

Логичный окружающий мир вдруг покачнулся и стремительно куда-то ухнул, потому что совершенно трезвый, здравомыслящий человек, Александр Юрьевич Самойлов, механик-моторист рыболовного судна, отчетливо увидел, как его двойник на экране не повторил Сашины два шага назад, а, наоборот, придвинулся к самому краю платформы. Покачнулся на носках. Взмахнул руками. И рухнул прямо под грохочущий поезд. От удара тело неуклюже развернуло, мелькнуло белое пятно лица, ботинок отлетел, весело покатались яблоки.

Только через полчаса Саша заставил себя все-таки войти в вагон. И лишь на «Пушкинской» обнаружил, что забыл свои корзины на платформе, а сам сидит с занемевшей шеей, уставившись на рекламу сигарет. Оказывается, какая-то боевого вида старуха уже давно шипела у него над ухом нелестные эпитеты в адрес «молодых жлобов». Саша опомнился и вскочил.

Видно, присевший перекурить на минутку в непролазных джунглях небритый красавец прочно засел в башке, – подавая пятерку в окошечко ларька, Саша автоматически произнес:

– Пачку «Кэмела».

Продавец Леха, уж года два без напоминания продававший Сане «Беломор», чуть не по пояс высунулся из ларька:

– Чего шикуюешь, Саня? Сейнер продал?

Чертовщина, померещившаяся в метро, окончательно отступила, Саша облегченно рассмеялся:

– Тьфу, Леха, да охренел уже от этой рекламы. Четыре пачки, как всегда, – и сразу же пожалел об оставленных в метро яблоках.

– Че, бухнул вчера? – понимающе подмигнул продавец.

– Да, поддали немного с тестем.

Ну вот, парой слов с простым человеком перекинулся, и сразу на душе теплей. Привычно лавируя среди машин, объезжавших площадь, Саша с видом горнолыжника, прошедшего трассу, вошел в общагу. Официально, конечно, здесь жили рыбфлотовцы, но вот до сих пор никто не видел на борту ни одного из тех веселых носатых ребят, что деловито сновали туда-сюда через проходную.

– Самойлов! Самойлов! – донеслось ему вдогонку из вахтерской будки. – Тебе мать звонила!

Во взгляде Саша, когда он обернулся, не было не то что сыновней почтительности, но даже и любопытства.

– Ну?

– Просила передать – бабка твоя померла.

В метро Саша не поехал. Хватит с него тогдашнего наваждения. Лучше уж на трамвае – пусть кружным путем, пусть долго, зато по поверхности. Вагон громыхал по узким улочкам Петроградской, нудно переругивались пассажиры, потом какой-то жлоб с мутной ксивой якобы контролера терроризировал весь вагон, отлавливая безбилетников. Судя по тому, что мимо Саша он прошел, даже не повернув головы, а прицепился к какому-то хилому очкарику студенческого вида, «удостоверение „контролера“ имело такое же отношение к трамвайно-троллейбусному управлению, как его небритая рожа с квадратной челюстью – к конкурсу красоты.

Внутри у Саша было совсем смутно. Как же так? Бабушка Оксана... совсем недавно была такой... такой резвой – для своих лет. Ничем не болела. Никогда ни на что не жаловалась. Все, что ни делается, – к лучшему. Ежели горевать начать, то до смерти не остановишься. Денег не хватает только тем, кто не знает, куда их девать. Такая вот бабушка...

Собственно, она не была Саше бабушкой. Мать отчима. Но вот относилась к нему так, словно он – родной, с пеленок вынянченный внук. Сашина мать Оксану Сергеевну на дух не переносила, за глаза именovala не иначе как «сушенный мымроид» и откровенно ждала, когда та наконец помрет, чтобы наложить лапу на отличную двухкомнатную квартиру в роскошном месте. Самый конец Кировского, окна на сад, большая кухня и прочие прелести. Саша невольно поморщился, вспомнив, как мать с Ирккой начинали мечтать: «Вот помрет мымра эта... квартиру продадим... или сдадим за немереные баксы...» Саша в таких случаях весь наливался темной кровью, и дело кончалось очередным скандалом с битьем посуды и киданием тарелок в голову дражайшего чада – то есть его.

Теперь он запоздало корил себя, что редко заходил к бабушке. Сейчас, в соответствии с инструкциями матери, ему, единственному, у кого были ключи, предстояло отыскать бабкино завещание. Если таковое, конечно, было. Мать не сомневалась, что его нет. Квартира приватизированная, они – ближайшие родственники... Саша сплюнул с досады.

Он миновал вычурный, с лепниной по потолку подъезд. Слева в стене еще сохранился беспомощно распахнутый рот наполовину заложенного кирпичом камина. Казалось, какой-то замурованный в стену великан все еще продолжает безнадежно звать о помощи.

Когда-то это был красивый подъезд. С мозаичными рисунками на лестничных площадках и витражами в окнах. На ступеньках еще кое-где сохранились бронзовые колечки – в них вставляли прутья, прижимавшие к лестнице ковер. Да, а галоши обитатели этого подъезда наверняка снимали в самом низу...

Потемневшие от времени перила с чугунными литыми решетками, словно на невских мостках. Высоченные потолки. Им под стать и двери – тоже высокие, двустворчатые, с несколькими филенками, обитые понизу латунными листами... Кое-где даже остались совсем-совсем темные медные таблички. «Действительный тайный советник...» – дальше Саша разобрать никогда не мог, как ни старался. Уцелело несколько старых-престарых звонков – когда поворачиваешь ручку, внутри звякает колокольчик. У бабушки Оксаны тоже был такой.

Да, богатый это был дом, и люди в нем жили тоже небедные. Богема. Литераторы, адвокаты, известные врачи и инженеры... А потом все изменилось. И теперь дорогие филенчатые двери вместо темного лака покрывала безобразная коричневая краска, косяки испятнала шрапнель бесчисленных звонков, под и над которыми чьи-то руки вкривь и вкось поналяпы-

вали бумажки с фамилиями жильцов. На иных дверях звонков было меньше, но тогда каждый сопровождался целой инструкцией типа «Ивановым – один звонок, Петровым – два, Сидоровым – три... Михайловым – девять, Медведевым – десять».

Дверь бабушки Оксаны отличалась от прочих только одним звонком. Это была единственная отдельная квартира на всей лестнице. Аккуратная такая дверь, с половичком и миской для бродячих кошек. Под стать хозяйке.

Саша достал ключи. Ему очень не хотелось входить внутрь. Туда, в аккуратный, столь же вожденный для матери и Ирки двухкомнатный рай, где все как при жизни бабушки: лежат ее рукоделия, ее толстые журналы (несмотря ни на что, она выписывала «Новый мир», не мыслила себя без этой серо-голубой обложки), ее книги... Все, все осталось – а человека уже нет.

Мягко щелкнул замок. Прихожая. Все в полном порядке. Аккуратно выстроилась тщательно вычищенная обувь, которую больше ни разу не наденут. На вешалке – пальто и зонтик, они тоже больше никогда не пригодятся хозяйке.

Саша осторожно разулся. Никто не посмотрел бы на него неодобрительно, если бы он вперся в комнаты, не сняв ботинки, но сделать такое казалось кощунством.

В гостиной, как и в прихожей, царила идеальная чистота и порядок. Бабушка Оксана явно не собиралась умирать, она даже не думала о смерти. Наоборот. Редкого жизнелюбия была старушка.

«Тяжкий грех на житее свое жаловаться», – частенько говаривала она. Ничем вроде бы не болела. Сердце нормальное для ее лет. Никаких внутренних болезней врачи у нее тоже как будто не находили... Однако же вот присела Оксана Сергеевна на скамеечку у пруда... и умерла.

Собственно говоря, Саше нужно было только одно – убедиться в отсутствии завещания и забрать документы бабушки Оксаны. Все. Мать и Ирка не сомневались в том, что квартира отойдет им, и уже намеревались закатить по поводу кончины ненавистной метровладелицы ха-а-роший банкет. При одной мысли об этом Сашу передернуло. Не-ет, на такой банкет его и арканом не затащишь.

В гостиной было много интересного. Например, пара здоровенных напольных ваз – бабушка Оксана утверждала, что они принадлежали еще ее деду и стояли в их доме на Большом проспекте. На стене Саша заметил и свой подарок – небольшой японский пейзажик с неперменной Фудзи.

Между окон замерло старинное бюро красного дерева. Бог весть, как уцелело оно в блокадные годы, не пошло на дрова. Бабушка Оксана хранила в нем все свои документы.

Саша открыл небольшую, туго набитую бумагами шкатулку.

Паспорт. Пенсионная книжка... Стоп, а это еще что такое?

Сколотые скрепкой, там лежали две бумаги. Одна – сугубо официальная, с какими-то сиреневыми печатями и подписями. Другая – исписанная четким и красивым бабушкиным почерком.

Инстинкт советского человека заставил Сашу прежде всего взглянуть на официальный документ. Это оказалось завещание. Надежды матери и Ирки рушились в прах – квартира оказалась приватизирована и завещана. Отнюдь не им, ближайшим родственникам. А некоему Игорю Валерьевичу Поплавскому.

Саша как стоял, так и сел. Какой такой Поплавский? Какое такое завещание? Ничего не понимаю... Взгляд Саши невольно упал на вторую бумагу. Это оказалось письмо, и было оно адресовано ему лично.

«Сашенька!

Увы, мой милый, раз ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет на свете. Знаю, мой хороший, что тебе будет больнее всех.

Ненавижу и не верю старикам, которые на вопрос: проживи вы жизнь заново, что бы вы сделали по-иному? – гордо отвечают: «Ничего!» Всегда есть что изменить и что исправить. Мне тоже. Невозможно, скажешь ты?

Не стану вдаваться в подробности, скажу лишь, что для меня это оказалось возможно. И это – великое счастье.

Верю, милый, что ты понял бы меня, поэтому поверь просто так, как верил мне всегда. Игорь Валерьевич Поплавский – близкий мне и очень порядочный человек. Да, мой дорогой, я всегда говорила, что квартира эта – твоя. Но Игорь Валерьевич сделал для меня столько, что я не могла его не отблагодарить. Поверь и прости. Твоя бабушка была очень счастлива. Очень. Как только может быть счастлив человек.

Письмо это – только для тебя. Что скажут остальные – мне все равно. А вот если бы ты рассердился, мне было бы больно».

Саша несколько раз осмотрел завещание. Все правильно... Поплавский Игорь Валерьевич. Чин чином...

Глава вторая Света

Светочка красиво скучала. А красиво скучать – это значит уже полчаса сидеть на диване, изящно разместив длинные ноги, и, слегка наклонив головку, задумчиво отслеживать перламутровым ноготком узоры гобелена обивки. Виталий, видите ли, совершенно не выносит кожаной мебели. Даже в своем донельзя крутом офисе поставил пластиковые стулья (ну совсем как у них на даче!). Секретарша Ольга однажды проговорила, как он мастерски доводит до белого каления не слишком желанных клиентов. В самый разгар занудных переговоров, поерзав, вдруг встает с места и, поправив вышитую подушечку на сиденье, застенчиво признается:

– Геморрой, знаете ли...

Светочка позволила себе тонко усмехнуться. Однажды они сидели в гостях у Юрки, коммерческого директора. Виталий тогда задумчиво окинул комнату взглядом и заметил – в шутку, но не без брезгливости:

– У вас, Юрий, не гостиная, а «Милки Вей» какой-то.

– Почему это? – насторожился хозяин. Должность у Юрика и впрямь звучная, но сам он – свежесрубленный, как деревенская баня.

– В ней так много телячьей кожи. Того и гляди – замычит!

Еле заметное облачко досады пробежало по Светочкиному лицу. Черт, совсем забыла – утром не посчитала калории. Хмуриться она не позволяла себе ни при каких обстоятельствах. Лицо должно быть спокойным и ухоженным. И замкнутым – это про Виталия. Помнится, какая-то костлявая немка у Ниагарского водопада чуть не грохнулась в обморок, когда у Светы навернулся в воду «Olimpus». Сумасшедшие русские лишь проводили утонувший фотоаппарат взглядами да пожали плечами.

«Минитель», модная домашняя шпаргалка-компьютер, с готовностью высветила на экране все нужное. Авокадо с французским пикантным майонезом и чашка кофе (с сахаром) потянули на 325 килокалорий. Ласково подмигнув, «Slimfood», программа для озабоченных фигурой, предложила четыре различных меню на день. Вкусненько, вкусненько, но не подходит. Сегодня Виталий просил немного на него попахать – пробежать с какими-то полезными «дойчами» по Русскому, а вечером с ними же оттянуться в «Европе». Светочка хоть и маялась этой модной дурью с расчетом калорий, но в еде толк знала. Последняя глупость – сидеть, поковыривая вилок филе-миньон, судорожно соображая, во сколько «лишних» это встанет. При этом желудок имеет собственное мнение и бурчит на весь зал.

Ладно, сменим стиль. Телефон – на колени. Пора бы деловой даме сделать распоряжения по дому.

– Эмма Петровна, миленький, сегодня, пожалуйста, небольшую уборку, в шесть привезут белье из стирки. Да, будем поздно, но я бы попросила вас задержаться, поставьте все время в счет. Гардену ведь только вчера купировали ушки, он жутко страдает и один на вечер не останется.

«Миленького» на самом деле зовут Калерией Карловной, но, следуя излюбленной привычке всех всегда переназывать, Виталий с первого же дня окрестил ее Эммой Петровной, видно, за пристрастие к «Ариелю». Светочка не всегда была в курсе, как ее саму на данный момент зовут.

Вот сегодня. Наверняка у него будет трудный день. Уезжал рано, часов в восемь, заскочил в спальню, швырнул халат на кровать, ограничился нейтральным: «Доброе утро, товарищ». Вообще Светочка давно заметила: приятные ему люди могут иметь до десятка имен и кличек. А, например, «телка» Юрика (и как бы Светочкина подружка) Илона для Виталия всегда – просто Дуська. Та, конечно, свирепеет, но терпит, никогда не посмеет даже пикнуть. С Кале-

рией Карловной Виталий общается хоть и крайне редко, но всегда только на ее родном языке, заворачивая такие комплименты, от которых лошадиное лицо немки моментально багровеет. Или подойдет, глянет в глаза и задушевно так: «Калерия Карловна, признайтесь, стырили-таки кораллы?»

Гарден, умная животиная, услышав свое имя, догадался, что его опять оставляют, отошел в угол и заскучал. Морду рассеянно бросил на каучуковую игрушку – ну вылитый телохранитель Виталия.

Время, время! Машина будет внизу в час, а дел еще – куча. Только двинулась в ванну – закурлыкал телефон. Шеф контролирует.

– Стопкин! – Значит, звонит из машины, настроение получшало. – Забыл спросить. Ты в чем собираешься идти в ресторан?

– Виталенька, я хотела в красном.

– От Нины? – Его «VISA-Gold», помнится, аж потускнела, когда Светочка расплачивалась за эту шелковую тряпочку «от Нины Риччи» в Дюссельдорфе.

– Угу.

После секундного раздумья:

– Ладно, надевай, они люди цивилизованные, красный цвет их больше не пугает. – Дальше строже: – Особо по музею их не гоняй, к ужину они мне нужны свежие. Не забудь пакет с подарками. Будешь хорошо себя вести, отмечу в приказе.

Ага, значит, «дойчи» страшно нужные, и если постараться, то можно будет закидывать удочку насчет того колечка с «брюликами» из «Рамины».

– Есть, сэр.

Ну вот, бегемот, опять не попрощался.

Хорошо, распоряжения все даны, телефон поставим на автоответчик и – в душ. Оказалось, вовремя смоталась. Накладывая на лицо легкую питательную маску, Светочка рассеянно слушала свеженькую запись. Что за трескучий все-таки голос у Илоны!

– Привет, Светунчик, это я. Приколись, мой тащит сегодня в какую-то контору, говорит, отвалил кучу капусты, сам туда таскается каждую неделю. Говорит, что очень круто. Ну, пока, птичка моя, потом перезвоню. Целую.

Ну, Дуська Дуськой. Если говорить коротко, то обыкновенная проститутка, выбившаяся в люди. Да она и сама так считает. Уж что-что, а биться Илона умеет. Турецкие пограничники, наверное, до сих пор во сне вздрагивают, ее вспоминая. А насчет людей? За Юрика она держится крепко, хотя ловко ставит ему рога при первом же удобном случае. Стремная парочка: живут вместе по принципу – кто кого переврет. Вот чего, спрашивается, сейчас звонила? Небось Юрик очередную сауну экзотическую откопал. Не удивлюсь, если там народ в бассейне с крокодилами барахтается, а выпивку бабы голые в кадушках разносят. Ладно, черт с ними. Светочка ненадолго замешкалась с духами. «Obsession» выбирать рискованно. От него мужики либо тащатся, либо их тошнит – проверено. Виталий уехал на работу, благоухая «Roger & Gallet». Что ж, тогда остается только «Lou-Lou»... Оставляя за собой ароматный след, она уже выплыла в холл, когда автоответчик снова сработал. Ну кто там еще? Светочка, чуть помедлив, подошла к телефону. Хм, номер не высвечивается. Ладно, послушаем так.

Голос незнакомый, какой-то подростково-ломающийся:

– Вомбат, здорово, это Двоечник. У нас проблемы. Пургена в парадняке отоварили. До шести буду дома. Все.

Ну не бред ли? Какие-то придурки номером ошиблись.

Светочка мгновение поколебалась, а потом все-таки стерла две последние записи.

Господа Шульце и Германн оказались славными средних лет мужичками. Окунувшись в привычную европейскую тусовку, Светочка моментально расцвела голливудской улыбкой,

сдержанно щебеча на двух языках – немецкий у нее еще был слабоват, кое-где приходилось переходить на английский.

Улет, конечно, с ними по музеям ходить! В первых же залах Русского, с интересом рассматривая древние иконы (иногда казалось – у них аж мозги пошелкивают, вычисляя примерную стоимость), вдруг обрадовались: «Комикс! Комикс!» Это они про «Житие Илии Пророка». Честно говоря, действительно на комикс очень смахивает, но не орать же так... Каждый раз, общаясь с «буржуями», приходится то и дело перелезать из роли в роль: то ты рядом с ними чувствуешь себя ребенком, то – взрослой умной теткой. Или даже бабкой. А уж их отношение что к сортиру, что к авторитетам первое время (Господи, лет сто назад, кажется!) постоянно ставило Светочку в тупик. Солидный адвокат может с милейшей улыбкой сообщить вам, что, провалиться ему на этом месте, но у него сейчас лопнет мочевого пузыря! Скучнейшая и пустейшая бабища (при одном взгляде на ее платье у Светочки, помнится, начинал дергаться глаз) превращалась в разгневанную фурию «а-ля Шерон Стоун», стоило только чуть-чуть неуважительно вякнуть про ее королеву. А что говорить о французской газетке «*Sharlie Hebdo*». У нас такие картинки даже в общественных туалетах не встретишь, а у них это – карикатуры на госдеятелей!

Дальше – веселее. По их мнению, в нашей истории, кроме «Катарины» и «Цар Питера», вообще никого не было. Вот так, вышли из болот, Питер заложили, с Екатериной пошалили, теперь «Макдоналдс» хаваем. Ну, там где-то еще татаро-монгольское иго было, кажется... Плевать, конечно, Светочка и сама в истории не сильна. И вообще, вся эта пыльная наука – просто собрание застарелых сплетен.

После Русского оставалось немного времени, решили чуть расширить программу – прокатиться по городу. Зря, наверное. Погода мерзейшая, пока шли по Петропавловке, продрогли насквозь. Светочка даже стала побаиваться гнева Виталия за свое самоуправство. Дрожащих от холода синеносых «дойчей» свежими назвать было трудно. Но вроде ничего, бухтят весело. Шемякинский Петр им не понравился. Светочка и сама каждый раз скрепя сердце подводи́ла очередных «буржуинов» к этому эпилептику в кресле. Честное слово, обидно. Из хорошего мужика сделали идиота. А называется это – историческая правда плюс мироощущение художника.

Фу-у, теперь можно и в ресторан. По пути Шульц славно подколот Светочку, заведя умный разговор о переименовании Питера. Легко шпаря датами, она оттарабанила:

– Август четырнадцатого – Петроград, январь двадцать четвертого, после смерти Ленина, по просьбам трудящихся – Ленинград, июнь девяносто первого – Санкт-Петербург.

Тут же брови герра Шульца недоуменно поползли вверх:

– Вы ошибаетесь, фрау Светлана, Ленин не умер в двадцать четвертом!

На секунду растерявшись, Светочка сделала то, чего не делала практически никогда:

– Гена! – обратилась она к шоферу. – Когда у нас Ленин умер? В двадцать четвертом?

– В двадцать четвертом, – обиженно подтвердил тот.

– Извините, герр Шульц, – с достоинством заявила Светочка. – Он таки умер в двадцать четвертом!

– Как же так! – не унимался «дойч».

И тут только на его лице Света заметила следы жирненькой иронии. На ужасном русском, заученно, как считалку, герр выпалил:

– Ленин ЖБИЛ, Ленин ЖБИВ, Ленин бюджет ЖБИТЬ!

Машина Виталия уже стояла около «Европы». Рядом скромно притулился серенький «опелек» охраны. Шоферы сидят, как восковые. Однажды Виталий крупно разругался со Светкой из-за дурацкой шутки. Заканчивался ужасно милый вечер (французов, кажется, на охоту возили), вот она и решила напоследок немножко пошалить. Подошла как раз к этому водиле и

быстро провела рукой перед глазами. Тот, гад, даже не моргнул. А Виталий при людях обозвал ее дурындой. Двое суток не разговаривали.

Какой все-таки славный ресторан! Хорошо, что Виталий тоже предпочитает его другим городским забегаловкам. Швейцар на входе (Ну и чутье у ребят! Специально их, что ли, натаскивают?) мягко, баском: «Guten Abend!» И дверку отворит – ни на секундочку не замешкается! А шеф, похоже, не в духе. Из-за того, что опоздали, что ли? Пока гости посещали уборную, подошел. Глянул зверем:

– Чукча, ты что, журнал «Работница» выписываешь?

Здравствуйте! Выходит, оделась неправильно? Я ж с тобой, солнце, все согласовывала! Что еще не так?

– Ты бы еще тулуп надела! – Угу, это про норковую пелерину.

Темнота, какая тебе «Работница»? Это из последнего «VOGUE»? Ладно, можно и снять. Грубиян, чуть с платьем не содрал, сунул Бритому в руки:

– В машину.

– Ну, все? Может, поцелуешь все-таки любимую женщину? Нет, не угомонился.

– Я тебя тысячу раз предупреждал: Чтобы. Я. Никогда. Больше. На. Тебе. Эти. Туфли. Не. Видел. Я сюда прихожу с солидными людьми. И я не позволю, чтобы меня принимали за деревенского лоха, который только что снял тебя в баре.

Все врет. Да разденься Светочка сейчас хоть догола, никому и в голову не придет принять ее за проститутку.

Что ты бесишься, милый, это же твоя собственная школа. Сколько лет ты из меня это самое выбивал! И сам знаешь, что вполне успешно. Твой же партнер Шамон Коган, большой дока в таких вещах, однажды признался, вкусно картавя:

– Вы, Светлана, фантастическая женщина. К'асота, ум, воспитание, но я ско'ей и п'едставлю себя в постели с Вене'ой Милосской, чем с вами. Вы вся – где-то там...

И помахал волосатой лапкой над лысой головой.

Ладно, Виталик, у всех свои бзики. Ты не выносишь туфли на высоком каблуке, ну и фиг с тобой. Светочка обворожительно улыбнулась подходившим уже немцам. Обиды надо глотать целиком, не жуя. Дольше переваривается? Так зато и вкуса не почувствуешь.

Даже теперь настроение нельзя назвать испорченным. Так, чуть-чуть грустное, чуть-чуть задумчивое. Это даже к лицу.

Все расселись за огромным круглым столом. Ах, как Светочка любит эту, как говорил Винни-Пух, «специальную минуточку», когда можно не спеша побродить по меню. Сколько лет тренировок понадобилось для того, чтобы делать это спокойно, не стесняясь стоящего рядом официанта! Рыбу-луну она отвергла сразу. У экскурсовода в Киото узкие японские глаза на минуту стали круглыми, когда он рассказывал о жертвах кулинарной ошибки при приготовлении экзотической рыбы. На фиг, на фиг, береженого Бог бережет. Решив немного отыгаться за трюк с Лениным, Светочка усиленно уговаривала Шульца заказать блины. Немного наберется в мире виртуозов, способных управиться ножом и вилкой с русскими блинами, пускай толстенный помучается. «С икрой, герр Шульц, обязательно с икрой!» Завершилось все торжественным ритуалом выбора вин. Мэтр на специальной тарелочке поднес Виталию пробку из только что открытой бутылки. Тот с умным видом понюхал. Важно кивнул. Сыграл шеф, просто хорошо сыграл. Не разбирается наш суровый деспот в винах, увы. Предпочитает водку, Вальвадос. Терпит коньяк. Не выносит виски, ром, текилу. В последнее время редко употребляет столь любимый ранее крымский портвейн.

За соседним столом шумно рассаживалась компания из трех человек. Двое жирных турков – еще в холле их заметила, орут как на базаре – и девочка, явно из местных. Зайчик эдакий, пусечка ухоженная, белочка крашеная. Очень, очень недурна. Правильно, в хороший отель

кого попало не пустят. Держу пари, она здесь на ставке. Виталий тоже заметил, буркнул еле слышно:

– Фигня. У нее ноги кривые.

Подлизывается. Чувствует, что «дойчи» довольны.

Ну да мы люди не гордые, прощаем.

С блинами случился облом: принесли какие-то крохотные оладьи. Светочка позволила себе наморщить носик. Не-ет, эт-то не блины! Вот бабушка моя вам бы показала! Представьте себе: стол. Скатерка хрустящая. Куча тарелочек, соусников, мисочек – и икорка там, и селедочка, и семга (Виталенька, как будет «семга» по-немецки?), и яичко вареное, мелко накрошенное, сметана – ложка в ней стоит. Посередине – графинчик запотевший. Ждем. Дед уже три раза салфетку развернул и снова сложил. И вот наконец бабушка, тетя Влада и Катя вносят ИХ. Огромные стопки горячих, масляных, в дырочку БЛИНОВ. А не этой ерунды. Это, извините, недоразумение какое-то, а не шедевр русской кухни!

Светочкина речь завершилась громом аплодисментов.

– Браво, Сиропчик, аудитория у твоих ног! – Виталий доволен.

Германн что-то пошептал мэтру, быстренько приволокли огромный букет хризантем. Пять роскошных лиловых папах на полутораметровых стеблях. Классно.

Вообще, чудесно посидели. Еда отличная, собеседники приятные, тапер что-то душевное наигрывает... И закончили классически. Это называется «по-со-шок», герр Шульц. Да-да, «на до-рож-ку». Правда, по-русски это – стопка водки уже в дверях, но мы-то люди европейские, можем и в баре «на по-со-шок» посидеть. Господи, до чего бестолковых, хоть и проверенных девиц берут в эти валютники! Два раза, отдельно повторила ей: «Мартини», НЕ ОЧЕНЬ сухой, без оливки. Так нет, принесла «Экстрадрай» с маслиной, чувырла!

Похоже, мужикам нужно перемолвиться парой словечек без дам. Что ж, не буду мешать. Шеф сделикатничал:

– Милая, узнай, пожалуйста, нет ли у них сегодняшнего «Нью-Йорк геральд трибюн».

Рыба моя, какой «трибюн» в двенадцать ночи?

– Хорошо, милый.

Побродила по холлу минут пять под неусыпным оком Бритого. Турки как раз вывалились из зала. Тот, что помоложе, двинулся было в Светочкину сторону, так Бритый только пиджаком шевельнул – того как ветром сдуло.

Ну, прощаемся. Спокойной ночи. Danke sch'n! Ручку позвольте поцеловать? Рожи у всех довольные-е... Договорились, значит. Надеюсь, родина не забудет мой скромный вклад в общее дело?

– Не забудет, Сиропчик, я же сказал: отмечу в приказе.

Когда переезжали Троицкий мост, Светочка вдруг почему-то вспомнила дурацкий дневной звонок. Что-то про папазол? Нет, пурген! Немножко поколебалась... И – не стала рассказывать.

Глава третья

Игорь

Колба вывалилась из рук и сверкающей пылью брызнула по полу. Игорь растерянно посмотрел на Людмилу, уже зная, что она сейчас скажет.

– А потому, что тысячу раз тебе говорили: не бери горячую колбу халатом. – Старшая лаборантка Людочка (сорок два года, не замужем, 88 кг, на данный момент блондинка) любую фразу начинала с середины и абсолютно со всеми сотрудниками разговаривала тоном воспитательницы детского сада. – Где я теперь возьму такую хорошую двухлитровую колбу?

В комнату залетел благоухающий меркаптоэтанолом, похожий на крупного кенгуру Дуденков:

– Ну что, скоро уже чай? – увидел осколки на полу, обиженно надулся и тут же улетел.

– Ладно уж, иди, я приберусь. – Людочка мило-фамильярно подтолкнула Игоря к двери. – Кстати, тебя там, по-моему, уже ищут.

Точно: по громкой связи кто-то из молодых, кажется Юля, с интонациями вокзального диктора уже несколько раз зывал:

– Игорь Валерьевич, вас на отделение, к больному!

– Иду, иду, – буркнул Игорь себе под нос и, хрустнув осколками, вышел из комнаты.

«Ну, гнусный день, гнусный до скрежета зубовного. И откуда только берется эта черная тоска, заползающая чуть свет в мою постель? Свернется на груди – и сама не отогреется, и мне – хоть в петлю лезь. Лежишь с шести утра, тарачишься на будильник, стрелка полудохлая еле шевелится, перебираешь в уме, чего в жизни плохого, чего хорошего, аутотренинг хренов... К психиатру сходить? Бред. Русскому человеку все эти заокеанские приятели-психоаналитики – что мертвому припарки. Жлобы. У самих – полторы мысли в неделю, так и те норовят препарировать: „Ах, не находили ли вы в детстве презервативы дома в мусорном ведре? Вот вам и преломление эдипова комплекса в отражении страха будущего отцовства!“ Ух, бред! Слышал по радио – до нас, оказывается, тоже докатилось мировое движение „Анонимных алкоголиков“, в Питере человек двадцать записались. Все, братва, сдавай последние бутылки: грядет поголовная трезвость. О боги, пива мне, пива!»

Больной Сапкин Степан Ильич сидел на кровати, смущенно улыбаясь. Игоря Валерьевича он боготворил, но боялся страшно. Месяц назад в деревне Степан Ильич с братом «под кабанчика» напились какой-то «бавленной» водки, после чего старший Сапкин отправился на кладбище, а у младшего отнялись ноги. Его привезли в Нейроцентр совершенно ошалевшего от такой несправедливости природы. Первую неделю он практически не спал, а только плакал или громко ругался с медперсоналом, ломал капельницы и кидался «утками». Для Игоря этот случай оказался сущей находкой. Аппарат сработал со стопроцентным попаданием, правая нога была уже здорова, с левой пришлось повозиться чуть подольше – сказывалась какая-то давняя травма. Наблюдая, как пытается пританцовывать человек, еще две недели назад имевший вместо ног неподвижные колоды, Игорь порой давал волю своей фантазии. Он буквально чувствовал под рукой глянec новехонького выпуска «Нейчур» (не какие-то там «Письма в редакцию», а специальный номер, с портретом автора!), с сенсационным заголовком: «К вопросу о топологической локализации ментально-психосоматической субстанции человека разумного», что в просторечии означает – «душа находится в пятках не обязательно у трусов».

– Игорь Валерьевич! Добренькое утречко! – Сапкин улыбнулся еще шире. – Я только сестричке сказал, а она вас позвала. Все нормально, уже отпустило.

– Здравствуйте, здравствуйте, Степан Ильич. – Игорь старался не глядеть на шедевр отечественной стоматологии у пациента во рту. – Что-то беспокоит? Ноги?

– Да не-е, сердечко вот прихватило.

Пульс немного частил. «На всякий случай надо бы сделать ЭКГ», – пометил Игорь в своем «склерознике».

– Раньше такое бывало?

– Не-е. Чего-чего, а мотор тарыхтит нормально. Доктор, скоро мне домой? Всю задницу уж здесь отлежал.

– Еще недельку понаблюдаем ваши ноги и отпустим.

– Ой, да что там наблюдать? Я хоть сейчас вам «Барыню» спляшу!

– Спляшете, обязательно спляшете. – Игорь откинул одеяло и быстро осмотрел левую ногу. Динамика явно положительная. Пожалуй, аппарат здесь уже не нужен. – Все нормально, Степан Ильич. Отдыхайте.

– Я за пятьдесят лет столько не отдыхал, как здесь. От безделья – хоть на стену лезь, дурь всякая по ночам стала сниться, – торопливо пожаловался Сапкин, заметив движение Игоря к двери.

Черт, этого только не хватало! Игорь замер, уже взявшись за ручку. Постарался спросить как можно более беззаботно:

– Какая же?

– Гришаня, браток мой, ну, с которым мы...

– Отравились водкой? – сообразил Игорь, потому что историю про Гришаню до мельчайших подробностей знала, кажется, вся клиника.

– Ага, он. Будто сынок у него родился. Хе! – Сапкин оживился, привстал на кровати, заметив интерес доктора. – В шестьдесят семь годочков-то! А бабу я не знаю, баба незнакомая. Помню только, что молодая, рыжая, ляжки толстые...

Игорю стало весело. Он облокотился о косяк двери и с интересом смотрел на больного.

– Так она что, Степан Ильич, при вас рожала, что вы ляжки помните?

Сапкин довольно разулыбался. Его широкое лицо, загорелое и выдубленное, похожее на кусок мятой крафт-бумаги, стало хитро-понимающим: вишь, врач, а все-таки мужик, тоже в бабах толк знает!

– Не-е. Не при нас, да только как во сне-то бывает? Ее саму не вижу, а все про нее точно знаю! Так вот, сидим мы с Гришаней, я-то все удивляюсь: как эт ты, браток, на старости лет пацана заделал? А он... вот так, рядом сидит, здоровый, веселый... и отвечает: да, х... фигня, Степка, хошь, сам попробуй, она баба покладистая! Шутит, значит... А я все не отстаю: у тебя ж, говорю, сын, получается, младше внука! – Степан Ильич заговорил еще быстрее, сконфуженный чуть было не вырвавшимся нехорошим словом: – У Сереги, племяша моего, Митьке уже четырнадцать! А Гришаня хитро так смотрит: младше-то младше, а наши шустрее! Тут и баба эта выносит ребеночка... и так на колени мне ложит... Я гляжу – а у того... Не приведи Господи... Борода рыжая, и усищи во всю рожу, глаза взрослые, вредные и подмигивают!..

Игорь уже собрался захохотать, но в глазах больного стоял такой тоскливый страх, что пришлось просто закашляться. Конечно, у простого человека такой сон должен вызвать массу самых неприятных ассоциаций. Покойник приснился, младенец, баба рыжая, что там еще? Хороший специалист-сонник живо бы разложил это ассорти по полочкам. Но к аппарату вся эта белиберда скорей всего не имеет никакого отношения. Игорь ободряюще улыбнулся Сапкину, напрягся, стараясь вспомнить хоть какое-нибудь солидное толкование этого бреда, и бодро спросил:

– Так брат ведь во сне веселый был?

– Да, улыбался...

– Значит, все ТАМ у него нормально, – многозначительно и веско заключил Игорь.

Елки-палки, и без того дел навалом, так еще и сны с больными будем разбирать. Беспокойство, повышенная мышечная активность... Придется подавать феназепам. Не хотелось бы картинку смазывать, да здесь уже дело к выписке, можно назначать. Ну, все, пора идти.

– До свидания, Степан Ильич. Завтра обход, увидимся. Не переживайте так, скоро домой. Так, пока не забыл: записать в карточку ЭКГ и феназепам. А заодно и проверить, когда последний раз больной был под аппаратом.

Толстенная лохматая «история болезни» лежала в ординаторской посреди стола. Дисциплина на отделении – строжайшая. Никто не имел права взять у Игоря Валерьевича со стола даже пылинку. Для этого, правда, пришлось пожертвовать некоторым, особо активным, медперсоналом. И не забывать самому класть папки на стол медсестры, для того чтобы назначения все-таки доходили до больных.

«Истории болезней» вроде той, что открыл сейчас Игорь, он про себя называл «делами» – столько в них было напихано прямо-таки криминальных сюжетов. Перелистывая пожелтевшие страницы (не от старости пожелтели, от соплей этих конторских! Ну страна! Нейроцентр, один из самых крупных и сильных в Европе – не могут нормального клея выписать!), Игорь, хмурясь и улыбаясь, вспоминал все перипетии скромного псковского мужичка. Да, досталось тебе, Степан Ильич. Одних пункций спинного мозга пять штук сделали. Ну ничего, погуляешь еще, даже водочки, может, попьешь. Так-так, под аппаратом последний раз – неделю назад. Отлично.

Чувствуя, что непростительно долго задержался в отделении, Игорь торопливо черкнул несколько строк в графе «назначения», на бегу шмякнул «историю» на стол медсестры и понесся по коридору в лабораторию.

Комплекс Нейроцентра – прощальный подарок канувшей в Лету перестройки – являл собой сложную систему зданий, соединенных между собой подземными переходами и ажурными стеклянными галереями на уровне второго этажа. Внизу обитали в основном хозслужбы и неистребимые полчища кошек. Игорь никогда не пользовался этим путем, ибо уже через минуту нахождения в подвале у него начинало нестерпимо першить в горле от настоявшейся смеси прачечной, табака и кошачьих выделений. То ли дело – продефилировать в распахнутом халате (прочно укоренившийся шик всех научных сотрудников Центра) по наполненному светом прозрачному коридору! Мельком глянуть: как там, «тачку» не угнали? И, входя в лабораторию, уже иметь готовой тепленькую фразу: «Ну и ветер нынче, мужики!»

Игорь даже не повернул головы на ходу – хрен с ней, с погодой, – погруженный в свои мысли. Башка прямо гудит, того и гляди иголки и булавки из нее ползут, как у Страшилы.

Давай по порядку. День начался рано и плодотворно. Два постоянных клиента с утра, да еще на вечер записался Директор со своей дамой. Ох уж эти мне дамы! Игорь тут же вспомнил одну из причин своего ненастроения. Конечно, дурища вчерашняя со своей жалобой. Почти за два года работы с аппаратом это была первая недовольная. Сам виноват: не надо было с ней даже связываться. Видел же: пики смазанные, считай, и нет их, отрубилась она, правда, сразу, но потом на пределе работал, чуть-чуть удалось подцепить концентратором. Господи, как она вчера орала! Кажется, «шарлатан» – самое мягкое, что пришлось услышать. У, дура! Париж, оказывается, себе заказала. Романтическое путешествие! Игорь, чувствуя, что раскалется, попытался разрядить обстановку, посоветовал ей играть в «Любовь с первого взгляда». А что? Вроде бы и комплимент отвесил. Хотя, если честно, эта особа – отличный типаж только для «Катастроф недели». Вот тут она уже и слюной брызгать стала. А сама Эйфелеву башню Эфельной называет, кастрюля! Эфельная-Вафельная! Выходит, их теперь еще и на интеллект придется проверять? Да пошла она! Вернуть деньги, и все. Возникать будет? Ничего страшного, ее антиреклама даже на пользу. Кто ей поверит? Такие же идиотки, как она. Ну и славно. Зато теперь Игорь, как никто другой, понимает истинный смысл выражения «мелкая душонка». Интересно, между прочим, что в интеграле у мужиков RS- и RV-пики гораздо ниже, чем у женщин, зато богаче WF и IF (о эта проклятая любовь к мудреным английским аббревиатурам! На самом деле все замысловатые закорючки на распечатках нейрограмм означают давно выведенное народом заключение: «баба, она сердцем чувствует!»).

Чаю надо попить.

Народ уже кучковался в чайной комнате, жадно поглядывая на пакет с бутербродами. Золотая все-таки жена у нашего завлаба. Каждый день заботливо заворачивает в кальку шесть бутербродов с сыром, посыпанных мелко накрошенной зеленью, то ли рассчитывая на аппетит Александра Иосифовича, то ли догадываясь, что шесть на двенадцать легче делить... В особо удачные дни, если Дуденков с Кружанской не успевают поссориться до обеда, они прогуливаются до ближайшей кулинарии и покупают огромный кусок пирога с творогом. Сегодня, кажется, уже успели поцапаться. Саши не видно, Лена нервно листает справочник. Ну и грохот! В комнате Дуденкова что-то шарахнуло, аж стаканы на столе звякнули и штукатурка посыпалась. Наверняка ничего страшного, нужно просто знать Сашу: если у него до вечера ничего не взорвалось, рабочий день, считай, потерян. Точно, стоит целый и невредимый посреди комнаты, клочки фольги, как конфетти, сверху сыплются, физиономия довольная:

– Классная штука – азид калия!

За чаем Игорь почти совсем отошел от гнусных мыслей по поводу вчерашней жалобы. Расслабился, прихлебывая крепчайший «Липтон» (лет десять назад полпачки грузинского в колбу насыпали), с удовольствием прислушивался к традиционной пикировке Дуденков – Кружанская. Неразлучная парочка всегда имела два самостоятельных и различных мнения по любому вопросу. Деликатнейший Александр Иосифович называл их Тяни-Толкай.

– Этот гад утащил у меня из сумки книжку Руфь Диксон, всю ее прочитал и теперь постоянно меня подкалывает! Я вот собиралась покупать черную кружевную комбинашку, а теперь не куплю!

Старший научный сотрудник Альбина (которую в лаборатории ласково называют то «горем в перьях», то «чудом луковым») настолько заинтересовалась, что даже перестала ковырять в зубах:

– Что, что это за книжка?

– Да старье. «Как стать чувственной женщиной». Олег Дмитриевич из ВЦ распечатал и притащил. У нас уже все давно прочитали.

– А можно мне?

Дуденков неприлично заржал. Неизвестно, что он подумал, но вот Игорь очень живо представил себе Альбину раскинувшейся на покрытой леопардовыми шкурами круглой софе под зеркальным потолком. Был в этой книжке такой образ. Тут же прикрыл рот рукой, постарался сдержаться, но вышло еще хуже – какое-то сдавленное рыдание. Умоляюще посмотрел на Кружанскую, но Лена невозмутимо пообещала:

– Конечно, Альбиночка, я тебе ее завтра принесу.

Лена, Лена, что же вы делаете? Разве можно давать женщине с таким огромным, глупым и любвеобильным сердцем, как у нашего «чуда», столь страшное оружие? Она же всю работу лаборатории парализует! Если и так, в моменты перманентного пробуждения Альбиного вулкана страсти к очередному сотруднику, умная, отзывчивая женщина, кандидат биологических наук, в одночасье превращалась в кусок безмозглого студня с глазами больной коровы!

Вбежала Людочка. Она никогда не пьет чай вместе со всеми, потому что бегают по магазинам. Давно уже и очередей нет, и график у всех свободный, но привычку в перерыве бегать (именно бегать!) по магазинам никак не изжить.

– Вот дура! – Сейчас Людочка закурит, отдышится и пояснит, к кому это относится. – Век не ездила на троллейбусе, черт меня дернул сегодня в него пихнуться. Сумки очень тяжелые были. Доехала до нашей остановки. Иду через парк, устала, ничего не вижу... И натыкаюсь на милиционера!

Все, продолжая улыбаться после разговора о чувственных женщинах, повернулись к Людмиле. Похоже, будет еще одна забавная история.

– Он мне говорит: «Гражданочка, проходите, не задерживайтесь». А у меня как раз ручка оборвалась. Я сажусь на скамейку, чтобы привязать, а он меня гонит! Я так разозлилась! Поворачиваюсь – а рядом старуха мертвая сидит! Ужас! Я вообще покойников боюсь. А эта еще худющая, глаза открытые – ведьма ведьмой... Леночка, у нас нет валокордина? Сердце сейчас выскочит! Ага, тридцать капель, не меньше. Да не в эту чашку, из этой Толик пьет!

Удивительная черта Людмилы – всегда и везде попадать в самую гущу событий. Если кому-то на голову падает кирпич, то обязательно человеку, идущему прямо перед ней. При этом рассказы сопровождаются корвалолом или валокордином, хотя, как подозревал Игорь, сердце у старшей лаборантки сильное, как у быка, и запросто может перенести не одну мировую катастрофу. К тому же она никогда не уходила с места событий, не разузнав все до мельчайших подробностей. Людочке охотно открывали душу милиционеры и сантехники, машинисты метро и врачи «Скорой». Старший лаборант из нее, по жизни, хреновый, но стань она журналистом – вполне могла бы затмить Невзорова.

– Ну, думаю, дожили: уже середь бела дня старух грохают! А лейтенант сказал, что нет, она с утра тут сидит, «труповоз» долго не едет. И никакое это не убийство, сама тюкнулась. Тоже ведь, собачья работа у мужика – труп сторожить! Я ему говорю: «Вы все-таки проверьте, может, ей яду подсыпали, сейчас пожилого человека из-за квартиры могут запросто на тот свет отправить, я сама... – Людочка сделала неудачную паузу, затягиваясь сигаретой, что позволило Дуденкову тут же встрять и закончить за нее: – ...уже раза два так делала!»

Игорь по инерции посмеялся со всеми, чувствуя, как внутри все холодеет. Ерунда, мало ли старушек на Петроградской! Но уже понимал, что все попытки успокоиться будут напрасными. Там на скамейке сидит его милейшая Оксана Сергеевна. Проклятье! Что же произошло? Тьфу, да в таком возрасте могло произойти все, что угодно.

Игорь залпом допил свой чай и стал пробираться к выходу, как бы давая сигнал к окончанию посиделок. Народ задвигал стульями, загалдел. Перекрывая шум, Людмила продолжала кому-то рассказывать о своем сегодняшнем приключении. В коридоре Игоря окликнули, но он, не оборачиваясь, махнул рукой: потом, потом. Хватит на сегодня болтовни, надо бы и подумать немного. Вывесил на дверь изрядно потрепанную, но очень удобную табличку «Прошу не беспокоить» (прихвачена в качестве сувенира в таллиннской гостинице «Олимпия»). Железная гарантия того, что действительно не побеспокоят.

Для начала Игорь зачем-то подергал ручку сейфа, хотя прекрасно помнил, как утром положил туда деньги и тщательно запер. Там на верхней полочке покоятся две тонкие прозрачные папки, которые (хм, сейчас полтретью?) через три часа превратятся в толстенькие (а может, и нет – зависит от купюр) пачки. До сих пор этот процесс доставляет Игорю удовольствие. И каждый раз неотвязно, как выделение слюны по звонку у собаки Павлова, всплывает бессмертный образ несчастного подпольного миллионера Корейко. Вот бедолага! На таких деньгах сидел, а пожить как человек не смог!

Нет, нет, подожди, сейчас не до этого. Слушай, а с чего ты взял, что умерла Оксана Сергеевна? Утренний сеанс прошел спокойно, я сам проводил ее до выхода, выглядела она прекрасно, умиротворенная такая, благостная. У тебя, брат, уже крыша, по-моему, едет. Слышал, что Людмила сказала? «Старуха худющая». Если, по-твоему, Людецкая была худющая, тогда наша Альбина – Брижит Бардо! Ну все, успокоился?

Ах как Игорь ненавидел этот внутренний голос – порождение то ли нечистой совести, то ли формальной логики. Ведь ни разу не успокоил, а даже наоборот. Если уж начал выстраивать свои вонючие доводы, значит, все: виноват и не оправдывайся.

Действительно, в самых первых экспериментах наблюдалось сильнейшее истощение пациентов, более двух минут находившихся под действием аппарата. Именно тогда и появился термин «скоротечная дистрофия», не имеющий никакого отношения к медицине. Нет, все равно не сходится. Старушка получила нормальную, рассчитанную по прописи, дозу SD-сти-

мулятора. Вот, черт побери, чем же она ТАМ занималась? Выходит, чего-то не учел. Теперь и не узнать. На всякий случай Игорь достал из сейфа утреннюю распечатку Людецкой. Все спокойно. Суицидные на нуле, RS – как всегда, громадные (вот с кем работать было приятно), WF, IF, RV – да что там проверять, Игорь все это помнил наизусть. Ну и ладно. Значит, к нему никаких претензий быть не может. А вот распечатку надо бы уничтожить. На всякий случай.

Игорь аккуратно сжег бумаги под вытяжкой, выкинул пепел в ведро и тут поймал себя на том, что, несмотря на засевшую глубоко внутри тревогу, улыбается. Бог видит, не желал он смерти добрейшей Оксане Сергеевне, а даже совсем наоборот: всячески поддерживал ее. Недаром недели две назад Людецкая сама призналась:

– Благодаря вам, Игорь Валерьевич, я поняла, каким может быть счастье.

Вот за эту-то благодарность и предстоит теперь побороться. Судя по некоторым намекам, семейка там веселая, просто так кусок изо рта не выпустят. Ну да и у нас зубы крепкие. Посмотрим, кто кого. Как там Фокс говорил? «Для меня жизнь без риска – что еда без соли»? Вот-вот. Абсолютно с ним солидарен.

Выходя из комнаты, он столкнулся с замшей по науке Марьяной Георгиевной Пальмо (исключительно по созвучию союзники за глаза называли ее Пальмой, а соперники – Бельмом). Крупная, некрасивая дама, она всегда ходила по коридору вразвалку, как балтийский матрос, а говорила с каким-то неуловимым акцентом.

– Иго-ор Валерьевич! До-обрый ден! Вы толко полюбуйтэсь, как они над нами изгаляются! – В руках у Марьяны глянцево блестящие яркие бумажки. Игорь тут же выразил живейший интерес, потому что весь Нейроцентр считал его любимым питомцем Пальмы. – Это приглашение на нэйробиологическую школу в Нассау!

– Добрый день, Марьяна Георгиевна, а кому приглашение?

– Вам, мне и Добкину.

– Как же они, простите, изгаляются?

– А вот так, коллэга! Вам известно, гдэ находится Нассау?

– В Германии? – робко предположил Игорь, не поднимая глаз.

– Увы, мой друг. Нассау – это столица Багамских островов! – Марьяна Георгиевна все-рез считала, что настоящий талант должен быть голодным (и холодным) и что любые занятия наукой на широтах ниже пятидесятой суть баловство и профанация. – Но мало того! Они предлагают нам самим оплатить дорогу и питание!

– Действительно ужасно! – Игорь старательно изобразил на лице сдержанную скорбь русского ученого, которому гордость не позволяет требовать за свои труды презренных денег. – И дорого это, интересно?

– Возмт-тэ! Сил нэт дэржат в руках эту гадост! – Пальма сунула ему в руки яркие буклеты и, попрощавшись, как обычно, кивком головы, уплыла.

Ой, и делов-то! 2300 баксов дорога и еще двести – оргвзнос! Что еще пишут? Размещение: гостиница четыре звезды, семинары по утрам, вечером – культурная программа (Господи! Программа на Багамах! Звучит как поэма), а также «...будем рады принять Ваши тезисы для участия в научной программе школы и оргвзнос до 15 октября...». А картинки-то, картинки! Пальмы волосатые, на море – ватербусы и серфинги всякие, девчонки шоколадные около купоросных бассейнов коктейли тянут... Правильно, Марьяна Георгиевна, «изгаляются». Вот возьму, наложу всем кучу на голову: переведу бабки через «Credit Lyonnais» и pošлю тезисы факсом! Ведь, на самом деле: не Корейко же я, чтобы бесполезно таскать в коробке из-под папирос «Кавказ» десять тысяч рублей. А еще... еще можно выставиться и оплатить дорогу для Добкина и Пальмо.

У Игоря аж в животе защекотало от этой шикарной и безумной идеи. С одной стороны, он прекрасно понимал, что инстинкты добропорядочного советского гражданина (что поделаешь: страны нет, а инстинкты остались!) не позволят, не дадут вырваться из собственного страха...

Вот сейчас достану из сейфа 7500 баксов, отвезу оргвзнос в «Лионский Кредит» на Невском, оттуда живенько – на Гороховую, закажу билеты («...будьте добры, три – до Нассау, туда и обратно!» – «Вам через Рейкьявик или через Сеуту?» – «Мне через Крыжополь!») и поеду домой – плавки стирать. Смешно? Мне – нет.

Вовремя оторвав Игоря от мучительных сомнений, по громкой напомнили:

– Игорь Валерьевич, через десять минут вам в «оздоровилровку»!

Кто ж это такой заботливый? И не определишь. Два раза уже заказывали новый селектор, потому что старый все голоса трансформирует в какое-то загробное хрипение.

– Иду, иду. – Игорь достал папки, аккуратнейшим образом закрыл сейф и вышел.

Действительно, через четверть часа начинался прием в дочерней фирме. Весь первый этаж старого корпуса занимал оздоровительный центр «Фуксия и Селедочка». Название, безусловно, необычное, но веселит клиентов страшно, привлекая широкие массы обывателей. Ведь и они наконец дожили до понятия «здоровый образ жизни». И оказалось, что это не только «хорошенько выспаться», «не больше пяти сигарет в день» и «месяц не пить», а еще и тренажеры, шейпинг, массаж, фитобар и прочие приятные вещи не реже двух раз в неделю. Если кто-то все же интересуется, почему «Фуксия и Селедочка», отвечаем кратко: условие спонсора. У богатых свои причуды.

Директор уже ждал в холле, сладко улыбаясь. Чего это он сегодня такой довольный? А-а-а, ну конечно, они с дамой-с. Рядом стояла, растопырив глаза, вульгарнейшая девица с изумительными ногами.

– Привет, док. Это Илона. – Ослепительная улыбка на сто двадцать зубов и зачем-то жеманное подобие книксена.

– Здравствуйте, здравствуйте, проходите, пожалуйста. Вы ведь у нас впервые? Что будем делать?

– Док, мне как обычно, а ей сделайте по полной, добро?

– Конечно, пожалуйста. Галина Федоровна, – обратился Игорь к администраторше, – оформите девушке массаж, джакузи и солярий. После этого отправляйте ко мне.

– Хорошо, Игорь Валерьевич. Свои счета вы сами оформите?

– Да, не беспокойтесь. – Могла бы и не спрашивать, бумаги кабинета психологической разгрузки всегда в порядке, по 32 500 с человека, рублик к рублику. Так ведь и труд-то нелегкий – стрессы снимать.

Игорь сделал приглашающий жест и направился в конец коридора. Юрий чуть замешкался, видно напутствуя свою даму, но почти сразу догнал его. Прозвище Директор родилось еще во время самой первой их встречи, когда новый клиент, назвав свое имя, с нажимом добавил: «Коммерческий директор», хотя Игорь не интересовался его местом работы.

– Давненько я у вас не был, док. – Очень любит пообщаться. И страшно сам себе нравится, когда произносит «док».

Игоря каждый раз так и подмывало отрезать: «Да какой я тебе „док“, пень шершавый!» Потому что именно такое ощущение – мохнатости-шершавости – вызывал в нем этот богатенький клиент. О подобных Ильф в «Записных книжках» писал: «Такой безграмотный, что представляет себе бактерию в виде большой собаки».

– Да нет, почему же, если мне не изменяет память, посещали четыре дня назад.

– Правда? А мне показалось... Собачья жизнь, так за день намотаешься – будто неделю пахал! Очень устаю.

– Понимаю, понимаю.

Беседуя в таком приятном ключе, они подошли к двери с надписью: «Кабинет психологической разгрузки».

Интерлюдия III

– Юрий, вы меня слышите?
– Да.
– Как вы себя чувствуете?
– Нормально.
– Сосредоточьтесь. Вы все помните, как это было в прошлый раз?
– Да, помню.
– Расслабьтесь. Я начинаю считать. Когда я скажу «пять», вы уснете. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

– Отбываете в отпуск, капитан-лейтенант?
– Так точно, товарищ контр-адмирал!
– Да не тянитесь вы так... Давайте без чинов.
– Есть без чинов, това... виноват, Александр Андреевич.
– Что ж, отпуск – это хорошо. Заслужили, заслужили, ничего не могу сказать... – Контр-адмирал Михеев, командующий Шестой минной дивизией Российского Космического Флота системы «Дзинтарс», выглядел именно так, как положено старому космическому волку, – высокий, сухопарый, с блестящей пересаженной кожей на пол-лица. Еще когда он был зеленым лейтенантиком и командовал своей первой в жизни торпедной калошей, командир конвоя отправил его в разведку – проформы ради! – к одной пустой, никчемной планетке. Послал для очистки совести. И лейтенантик Михеев напоролся там на отряд в шесть динарийских рейдеров. На предложение капитулировать поднял сигнал «Погибаю, но не сдаюсь!» и принял бой. Конвой вовремя получил предупреждение и успел вызвать подмогу. А от торпедного катера уцелела лишь спасательная капсула с одним человеком – лейтенантом Михеевым.

Он честно оттрубил двадцать пять лет и семь полновесных кампаний в Дальних Секторах. Витое адмиральское золото его погон было заслужено не связями в штабах и устраиванием пикничков с девочками для высокопоставленных проверяющих из Морского министерства, а тяжелыми боями, каждодневным изматывающим трудом. Адмирал не отсиживался в тылу. Шестую минную он водил в бой сам, несмотря на постоянные нагоняи из штаба флота.

– За успешную проводку «Святой Марии» я представил вас, Юра, к офицерскому «Георгию» первой степени. Так, небольшое дополнение к отпуску.

– Служу...

Адмирал знал цену орденам. И знал, что никакая раззолоченная побрякушка не заменит солдату ОТПУСКА.

– Оставьте высокий штиль для парадной церемонии и киношников. Даю вам слово, если представление пройдет Рождественского, к нам сюда налетит целая... – адмирал недовольно поморщился, – целая орава этих шакалов. Как же, наследник древнего аристократического рода становится полным георгиевским кавалером! Первый в моей дивизии! Госпитальный корабль невредимым проведен мимо жжаргских заслонов! Спасено больше двух тысяч раненых! Пятьсот детей!.. Два вражеских фрегата уничтожены, тяжелый крейсер «Ипидохон» выведен из строя минимум на полгода!

– Александр Андреевич...

– А почему, собственно?! – возмутился адмирал. – «Георгия» заслужили? Заслужили. Вы, Юра, мой лучший офицер. Я всегда хвалю в глаза и ругаю в глаза. Не знали? Ваш «Стремительный» – лучший корабль дивизии, даром что самый мелкий.

– Благодарю за доверие...

– Знаю, знаю, должность-то у вас самое меньшее капитана второго ранга... Погодите, погодите, голубчик, – Михеев вдруг хитренько подмигнул, – будет вам и кавторангство.

Что-то Батя, как зовут контр-адмирала его подчиненные, ныне щедр. Не иначе как наступление наши планируют. И то верно – сколько уж отступать можно? Ничего, небось без меня не начнут. Фиг бы Андреич мне тогда отпуск подписал.

– Все, хватит о службе! – Адмирал с отвращением оглядел бар. Экзотические напитки в зеркальной стойке предназначались исключительно для вышестоящих комиссий. Сам адмирал всему на свете предпочитал спирт. Тот самый, девяностовосьмиградусный, в невероятных количествах выписываемый Шестой дивизией со складов интендантства «для протирки контактов аппаратуры ракетного наведения». – Куда собираетесь направиться? Домой, в имение?

Капитан-лейтенант по имени Юра кивнул, смотря на старого вояку кристально честными глазами. Вообще-то он собирался на Аваллон, планету-курорт (и, разумеется, по совместительству – планету-бордель), но душку Андреича огорчать такими пустяками не следовало. Сам адмирал, примерный семьянин, на дух не переносил кобелячества. В его представлении достойный офицер, получив двухнедельный отпуск (не включая дорогу), прямо-таки обязан был направить свои стопы к родительскому порогу, дабы упасть в объятия целой оравы ликующих родственников различного калибра и степени дальности. Славный мужик Андреич... Под трибунал пойдет, а своего офицера не выдаст. Или, скажем, ежели миноносника на «губу» патруль десантуры крапчатой укатает, Андреич до морского министра доберется, невинность своего доказывая, – и притом неважно, пусть даже офицерик его и пьян был в доску.

– Будете на Земле-матушке, наверняка через Москву поедете. Так не сочтите за труд, занесите моим, будьте ласковы... – Адмирал приложил ладонь к дактилоскопическому замку личного сейфа. Бронированная дверь открылась. В руки Юрию лег небольшой, но увесистый пакет. – Дочка старшая собирает, – словно извиняясь, пояснил Михеев. – Кремневые бабочки там... с Аргонавтики...

– Передам лично, в собственные руки, – заверил Батю капитан-лейтенант, с тоской прикидывая, во сколько потерянных суток с веселыми потаскушками обернется ему сия адмиральская просьба.

«Надежда», грузопассажирский челнок, могучими ветрами мобилизации занесенный в Дальние Сектора и поименованный в реестре кораблей Флота системы «Дзинтарс» как «судно тылового обеспечения, невооруженное», набирал скорость судорожными, рваными рывками. При каждом рывке Юрий болезненно морщился. За такое качество настройки гравикомпенсаторов старшину этого расчета следовало как минимум упечь на гауптвахту, а как максимум – сорвать нашивки и отправить в штрафбат. Блин, крысы тыловые. На Шестой минной каждый за двоих вкалывает... некомплект экипажей пятьдесят процентов... а тут у пилота рожа только что пополам не трескается. С дальсекторской пайки такую ряху не наешь. Значит, берет... или скорее всего приторговывает. Знаем, знаем, небось тайничков за обшивкой хватает...

Праведный гнев капитан-лейтенанта Юры странным образом сочетался с неколебимой убежденностью, что ЭТИМ нельзя заниматься только ДРУГИМ. А вот ему как раз можно. Зато на «Стремительном» движки тянут, словно вчера с завода, все навигационные вычислители – самоновейшие, а теперь вот еще и секретный противоракетный комплекс поставили, один на всю дивизию пришедший. Все это, браток, денег стоит. На войне как на войне. Но не урвешь себе новый сверхдальний распознаватель – превратится твой кораблик завтра в тучу радиоактивной пыли. И поминай как звали. Не накормишь экипаж перед скрытым минированием астероидного пояса стимуляторами, витаминами всякими их не накачаешь – ошибется наводчик, или там связист, или дальномерщик, и опять же пиши пропало. Линейные крейсера на выручку к такой мелочевке не пойдут. Вот и берешь с контрабандистов долю. Сам три лайбы с товаром гоняешь. И на аваллонских девочек хватает, и кораблик твой в полном порядке.

Команда боготворит. Андреич собирался было на повышение двигать – командир «Ужасного» на крейсера перешел, – а «Ужасный» – это, я вам доложу, второй лидер в дивизии, после батинного «Ташкента», скорлупка раза в три «Стремительного» побольше. Так на «Стремительном» шапку по кругу пустили, собрали, сколько могли, и писарю в штабе сунули. Ну, тот в ведомости капитан-лейтенанта и пропустил... Потом, конечно, повинились, сучьи дети.

Загнусавил интерком: «Всем пассажирам... бур-бур-бур... оставаться на местах до окончания... быр-быр-быр... ыковки с... нером „Монголия“...»

Ага! «Монголия»! – это хорошо. За пять дней дороги можно неслабо оттянуться. И с борта этой самой «Монголии» всегда прет такая радиомешанина, что твои, Юрасик, приказанья тихонько ползущим лайбам никто и не заметит...

Разумеется, «Надежда» тащилась через пространства не одна. За ней следом топали три тяжелых буксира, с натугой волокущие здоровенные контейнеры, и легкий сторожевик охранения.

Корабль электронного подавления, «дымарь» по-местному, который любые посудины, от спаскапсулы до ударного авианосца, прячет не хуже, чем гоуст-генератор, на такую мелочевку, как наш конвой, нипочем не дадут. «Дымари», они штаб прикрывают. После того как надрали нашему Рождественскому задницу жжаргские спецназ-гоусты, корабли-невидимки навроде древних подлодок, с тех пор ни один из маскировщиков от штаба не отходит. А конвой? – да как хотите. Сторожевичок вам без имени, с одним номером, и будьте довольны. А что он может? Гоустов, особенно этих, старого типа, ну, серий VII и еще IX, он, пожалуй, отгонит. А ежели кто посерьезнее – XXI серия в особенности, – так можно сразу по капсулам разбегаться. У этой распроклятой «двадцать первой» скоростенка в гоуст-состоянии поболее, чем у нашего сторожевичка в обычном космосе. И вооружение соответствующее. Мой «Стремительный» – особенно с новым радаром – по шеям, конечно, и этому хваленому «очку» понастучал бы... Но чего нет, того нет. Хоть такому прикрытию радуйся.

Ревун «тревоги» взвыл, со всего размаха врезав звуковой волной по перепонкам. Юрий подскочил в кресле. Все иллюминаторы «Надежды» после мобилизации, разумеется, наглухо заварили броневыми плитами, но один общий экран на весь пассажирский салон таки оставили. И сейчас на этом экране представленный к четвертому «Георгию» капитан-лейтенант на кавторангской должности, командир «Стремительного». Юра видел, как уже в оптическом радиусе поражения из невидимости вываливались корабли жжаргов. Солидно, ничего не скажешь. «Дымарь» со здоровенным конусом антенны-подавителя, танкер сопровождения, лоцманский катер (издалека, верно, топали!) и – «здравствуйте, товарищ Коган, пожалуйста бриться!» – четверка их рейдеров. Скорость у них – почти как у эсминцев, а вооружение – тяжелому крейсеру впору. Брони, правда, почти нет... ну да там, где они действуют, броня и не требуется.

«Прорвались, значит...» – отрешенно подумал Юрий, глядя на экран, словно все происходящее не касалось его ни в малейшей степени. Раз прорвались с «дымарем» – значит, минно-артиллерийская позиция, до сего времени надежно прикрывавшая тылы русского флота в системе с дурацким кодовым названием «Дзинтарс» (духи такие есть вроде...), прорвана и даже неуклюжие жжаргские увальни – «дымари», которые без прикрытия любой мальчишка расстреляет из рогатки, – могут спокойно проходить до баз снабжения, ремонта и всего прочего, при отсутствии коего славному флоту очень скоро придется подорваться на собственных торпедах, чтобы не достаться врагу...

Номерной сторожевичок задергался. Верхняя лазерная башня крутанулась навстречу жжаргам. Эх, калоши тыловые, да разве ж так сейчас надо...

Рейдеры ответили сторожевичку великолепным презрением. Только один из них походя плюнул в него струей плазмы. Как эти гады ухитряются ее получать, да чтобы она не хуже

лазерного луча била, один бог Галактики ведает. Ну что, конец нашему стражу?.. Нет, смотри-ка, успел экран отстрелить...

Между кораблями в пустоте полыхнуло. В глубоком вакууме нечему гореть и взрываться, но вот когда щит сталкивается с плазменным снарядом жжаргов – это зрелище незабываемое. Любимый кадр фронтовых кинооператоров.

Ослепительно белая точка на миг исчезла в пепельно-серой разворачивающейся завесе мягкого щита. Жжарги подошли слишком близко, командир сторожевика стрелял экраном скорее всего наудачу, но... она ему таки улыбнулась. На время.

А затем чернота обратилась в дивный многоцветный клубок прянувших в разные стороны огненных змей. Кто знает, почему так выходит и какие глубокие физические законы обязывают пламенные струи окрашиваться во все цвета радуги?.. Но вот обязывают, однако...

Только теперь Юрий понял, не услышал, а именно понял, что в салоне вопят женщины. Нервы сдали даже у видавших виды медсестер, так что же говорить о штабистках-шифровальщицах, связистках и прочих, отродясь не бывавших вблизи передовой!

Один из рейдеров решил все-таки задержаться и расправиться со сторожевиком. Но деталей капитан-лейтенант уже не видел. Сбросив привязные ремни, он бежал по узкому проходу между кресел к двери, над которой мерцал транспарант: «Экипаж».

По правилам, рубка должна быть наглухо загерметизирована и отделена от пассажирского отсека толстой, запертой на все замки бронедверью. Однако на «судне тылового обеспечения, невооруженном» формальности соблюдались не столь строго. Личного браслета с кодом командира корабля боевого класса оказалось достаточно. Замок утробно всхлюпнул неисправной, подтекающей гидравликой, и Юрий оказался в рубке.

У него оставалось не более минуты. Именно столько нужно было жжаргским рейдерам, чтобы выйти на линию огня, расстрелять контейнеровозы-буксировщики и выслать штурмовые группы для захвата челнока.

Толстый пилот, худой очкастый штурман и еще пара бледных членов экипажа «Надежды» воззрились на внезапно появившегося у них за спинами капитан-лейтенанта, точно на привидение. Браслет-опознаватель уже выдал на дисплеи челнока исчерпывающую информацию о Юрии.

– Отстрел пассажирского отсека! – заорал Юрий прямо в жирную рожу пилота. – Живее, сволочь!

– Не предусмотрено... конструкцией... – раздался ответный лепет, и тут Юра увидел, что рука второго пилота уже легла на красную рукоять катапульты, катапульты, что вышвырнет в пространство саму рубку с ее обитателями, оставив неуправляемый челнок беспомощно дрейфовать в пространстве. Времени разбираться не было. Юрий попросту врезал тросу ребром ладони по горлу, а когда тот отключился, одним движением сорвал крышку с блока управляющих контуров бортового вычислителя.

Даже если строители «Надежды» не предусмотрели возможности аварийного отстрела пассажирского отсека (хотя обязаны были, на случай неуправляемой реакции в двигателях), при мобилизации на челнок не могли не поставить «комплекта последней надежды». Неужели эти олухи, по недоразумению именуемые пилотами и штурманами, об этом не знают?..

Оказалось, что не знают. На «Надежде» НЕ БЫЛО ни катапульты для пассажиров, ни даже жалкого устройства «последней надежды». Не было ничего, кроме маневровых двигателей... да смекалки капитан-лейтенанта.

Юра размышлял секунд пять, не больше. А потом, обжигаясь, плюясь и чертыхаясь от боли, принялся рвать из гнезд контакты, скручивая разноцветные провода каким-то совершенно немыслимым образом. Никто не мог понять, в чем дело... и это было хорошо, потому что иначе Юрий немедленно получил бы луч лазера в затылок и его не спасли бы даже капитан-лейтенантские погоны.

Юрий кожей чувствовал скрестившиеся на «Надежде» прицельные линии жжаргских комендоров. Залп последует через несколько секунд... А пальцы, как заведенные, крутят и крутят провода.

Краем глаза он успел заметить, что отставшему рейдеру жжаргов надоело палить по верткому сторожевичку, и в сторону охранного кораблика последовал дружный бортовой залп. Юрий ждал всепокрушающего взрыва... Но вместо этого вокруг рубки сторожевика пространство заполнилось серым туманом от рвущихся останков-снарядов, именовавшихся на кораблях Шестой минной попросту «дурками».

Останов-снаряды не несли в себе мегатонных боеголовок. При их подрыве срабатывал разовый генератор каверзно свернутого психополя, в результате чего экипаж атакованной посудины превращался, мягко говоря, в стадо законченных кретинов.

– И-и-и-и!!! – тонко, по-пороссячи, завопил кто-то рядом. Не поймешь уже, то ли второй пилот, то ли штурман.

Юрий хотел было рывкнуть на труса... Но в этот миг его пальцы соединили наконец последний из контактов.

Сильный взрыв сотряс корпус «Надежды». Включенные в обход всех контрольных и аварийных цепей, маневровые двигатели чуть не захлебнулись от переизбытка энергии. Даже ненасытные утробы камер дожигания не справились с нахлынувшим изобилием топлива. И в тесном, ограниченном пространстве закрытых броневыми заглушками дюзов грянули взрывы. Челнок разломило пополам. На его месте вспухло багровое, плюющееся огнем облако. Для наводчиков жжаргских кораблей все было ясно. Кто-то из них пальнул-таки первым, не дожидаясь команды. Бортовые компьютеры рейдеров аккуратно пометили «Надежду» знаком «пораженная цель» и более не обращали на нее никакого внимания.

И один только каплей по имени Юра знал, что вызванный им взрыв был строгонаправленным, что пассажирский салон, аккуратно загерметизированный исполнительными автоматами, силой этого взрыва отброшен далеко от жжаргских рейдеров и, более того, уже классифицирован врагом как «обломок небоеспособный», а раскаленное прометаллизированное облако, в которое обратились двигательный и грузовой отсеки, надежно блокирует жжаргские сенсоры... хотя бы на время, которое он, Юрий, должен использовать до конца.

Рубка «Надежды» летела уже по инерции. Никто не озаботился включить ее собственные маломощные движки. Этого сейчас и не нужно. Пусть жжарги поверят, что на пораженном челноке не осталось ничего живого. А вот ему, Юрию, пора на выход. Сторожевик прекратил стрельбу... и это значит, что жжарги вот-вот вышлют штурмовые группы.

– Скафандр с ракетным ранцем! – коротко приказал Юрий.

– Есть, каплей! – мгновенно откликнулся штурман. Очевидно, до экипажа злосчастной «Надежды» начало-таки доходить, что ворвавшийся в рубку полусумасшедший офицер спас-таки пассажиров челнока, обманув жжаргов ложным взрывом...

Каждое движение отработано до абсолютного автоматизма. Левый рукав... правый рукав... первая гермозастежка... вторая... теплоизоляция... Отражательный слой... Броня... ранец... резак... Все!

– Наше вам с кисточкой, – бросил через плечо Юрий, шагнув в пустоту с порога крошечного аварийного шлюза.

Пинок мощного ранцевого движка швырнул его к беспомощно дрейфующему сторожевику. Жжарги это наверняка засекут, но... Что делать, может, решат, что на расстрелянном челноке кто-то случайно уцелел.

Автоматические буксиры тем временем продолжали невозмутимо толкать толстопузые контейнеры. Жжарги уже не стреляли. Оно и понятно – зачем? Добыча сама шла в руки. Враги жадно охотились за любыми земными устройствами – их собственная наука изрядно отста-

вала, зато на основе захваченных образцов могла создать прямо-таки поразительных монстров. Вроде той же плазменной пушки, например...

Глазомер не подвел. Магнитные захваты намертво прилепились к изъеденной космической коррозией броне сторожевика. Теперь осталось пробраться внутрь... Так, где тут у нас шлюз?

Офицерский опознаватель Юрий надел на запястье скафандра. Хорошо хоть додумались сделать браслет безразмерным... Ага, вот и шлюз. Ну, помогайте, святые угодники! Юрий вжал камень-излучатель в приемное гнездо и активизировал программу-пароль.

Браслет превратился в универсальный передатчик, выплюнувший коротким кодированным пакетом всю информацию о человеке-носителе. Личный номер... имя... хромосомный код... набор экспрессирующихся белков главного комплекса гистосовместимости... химический индекс пота... рисунок радужки глаз...

Все боевые компьютеры флота были снабжены подробнейшей базой данных на весь офицерский состав. При малейшей угрозе захвата корабля срабатывала программа самоликвидации этого блока памяти – настолько простая и дубовая, что с ней не могли справиться никакие системы электронного подавления. И сейчас Юрий молил Бога, чтобы эта программа еще не сработала. Кстати, захват такого браслета-опознавателя ничего бы жаргам не дал – умное устройство отлично разбиралось в том, кто сидит в скафандре, и проводило свое собственное сканирование носителя. При малейшем несовпадении данных, заложенных в память опознавателя, и тех, что давало обследование, браслет тотчас же взрывался. Немало и жаргов, и различных предателей заплатились жизнью, пытаясь воспользоваться снятыми с раненых опознавателями. С раненых, только с раненых – потому что как только сердце Юрия перестало бы биться и клетки мозга начали погибать от кислородного голодания, в браслете активизировалась программа самоуничтожения.

Дверь шлюза дрогнула. Юрий не выдержал – перекрестился.

Команда сторожевика, как и следовало ожидать, пребывала в отключке. Сонный газ. Командир делал все, чтобы спасти своих. Под действием сонного газа вызываемые останов-снарядами патологические изменения в центральной нервной системе могут еще оказаться обратимыми...

Юрий не снимал скафандра. Перешагивая через распростертые на полу тела, ринулся в рубку. Нет, какая ж это все-таки удача, что тупоумные жарги стали стрелять останов-снарядами!..

С размаху бросился в кресло офицера наведения. Пенная подушка застонала, раздаваясь и тшась вобрать в себя громоздкий скафандр. Запараллелил себе на пульт всю корабельную телеметрию. Вызвал сводный блок оружия и двигателей. И то и другое было в полном порядке. Правда, в графе «экраны» красовался гордый нуль... Ну да ничего.

Жаргские рейдеры застопорили ход. На экранах было видно, как из распахнувшихся десантных люков вываливаются перехватчики и «тяни-толкаи» – сборщики добычи. Но Юрия в тот миг интересовало совсем не это. Фокусирующие системы палубной башни развернулись. Спаренные лазеры (Господи, рубиновые! Это сколько ж им лет?.. Правда, довольно-таки мощные) взяли на прицел неуклюжий «дымарь», рядом с которым прохладился пузатый танкер. Танкеры у жаргов бронированы не хуже мониторов... так что мы по ним стрелять не станем, а выстрелим мы во-он туда...

В атмосфере луч рубинового лазера с длиной волны 694,3 нанометра виден как красная черта. В вакууме же, естественно, никакой черты не появилось – только на баллистическом экране перед лицом Юрия. Там, на этом экране, алый росчерк, словно плеть, хлестнул по дрожащей от напряжения антенне-подавителю «дымаря» – даже сейчас тот работал на полную мощность, прикрывая рейдеры.

Внутри сторожевика башня заполнилась облаками испаряющегося жидкого азота, вырвавшегося из системы охладителей. Высокая мощность твердотельного лазера требовала и соответствующего отвода паразитного тепла.

Следующий импульс можно будет выпустить лишь через сорок секунд... и эти сорок секунд следовало использовать на полную катушку.

Нажатие кнопки – и из-под брюха сторожевика рванулись ракеты. Не простые – каждая из них являла собой мощный одноразовый рентгеновский лазер с ядерной накачкой, очень грозное оружие, против которого бессильны все противоракетные системы. На сторожевике таких игрушек было шесть, и две из них Юрий истратил на жаргского «дымаря».

Вторая лазер-ракета оказалась лишней. Пораженная лучом антенна-подавитель, до краев накачанная энергией, что гнали в нее генераторы жаргского «дымаря», вспыхнула, точно пук соломы. По ажурной решетке скользнули белые искры разрядов, на мгновение превратив антенну в подобие сказочной новогодней елки. А затем борт «дымаря» разворотил первый взрыв.

Дело было сделано. Без конуса невидимости, который создавал «дымарь», рейдерам жаргов далеко не уйти. Сейчас, сейчас... SOS-сигнал гибнущей «Надежды» вырвался из электронного плена, из наброшенных антенной-подавателем оков, и помчался по линии аварийных буев к патрульной базе. Линейный крейсер «Наварин» уже должен получить полную картину случившегося... Не позже чем через минуту он даст полный ход. А с ним – целая эскадра сопровождения. И тогда жаргам не поможет даже хваленая быстрота их рейдеров... Против сверхмощных ракет и лазеров «Наварина» им не устоять.

Первая из выпущенных Юрием рентгеновских лазер-ракет хищно повела носом – ее система самонаведения и фокусировки настраивалась на рваную рану в борту «дымаря» – и отдала приказ на подрыв иницирующего ядерного заряда. Миг спустя из пробоины в корпусе жаргского корабля вырвалось пламя; и почти тотчас же огненная волна прокатилась по всем его внутренностям, выжигая все на своем пути. Корпус утратил сверкающий серебристый цвет, разом почернев, точно его залили сапожной ваксой.

Второй рентгеновский луч прошел уже мертвый корабль. Все. На борту «дымаря» больше нет ничего живого.

Следующие четыре ракеты Юрий выпустил залпом, одновременно давая машинам полный ход. Командиры рейдеров, разумеется, понимают, что обречены. Но прежде чем сдаться, они наверняка постараются свести счеты с этим донельзя дерзким сторожевиком...

Здесь, в планетной системе, ни жарги, ни Юрий не могли уйти в аутспейс. Оставалось только одно – затеять смертельную игру, уповав лишь на маневренность сторожевика. Если, конечно, вытянут движки...

Движки вытянули. Сторожевик метнулся в сторону мертвого «дымаря». Танкер в панике разворачивался. Юрий успел прикрыться его корпусом. Однако тут оказалось, что на жаргских рейдерах кое у кого не выдержали нервы – точнее, то, что нервы им заменяло.

Четыре лазер-ракеты угостили-таки лучами каждый из рейдеров. Итог – три пробоины; четвертый, ушедший дальше всех, успел дать залп пылевыми гранатами, окутав себя густым облаком мелкодисперсной свинцовой пыли, поглотившей значительную часть жесткого рентгеновского излучения. Рейдеры, бросив на произвол судьбы захваченные контейнеры, дружно дали полный ход. Даже потеряв электронный «колпак», они сохраняли шансы уйти – если не лишатся танкера.

Для очистки совести Юрий пару раз выпалил по тихоходной пузатой посудине – без всякого эффекта. Лазеры сторожевика не могли причинить серьезного ущерба толстой зеркальной броне танкера. Оставался еще легкий противоракетный комплекс «Зима», но его боезапас стоило побережечь для рейдеров.

Р-раз! Все приборы контроля в один миг зашкалило. Плазменный заряд прошел совсем рядом. Комендоры у жжаргов всегда были неплохие. Надо ж – рискнули, несмотря на то, что их танкер вертится совсем рядом...

Маневрируя, Юрий некоторое время продержался возле жжаргского заправщика. Невооруженный, он ничего не мог сделать с вертким русским сторожевиком; однако рейдеры умело и быстро брали корабль Юрия в кольцо.

Капитан-лейтенант вздохнул. Если помощь не придет... ему останется только подорвать сторожевик вместе с собой и всей спящей командой. Попадать живыми в лапы жжаргов нельзя. Это хуже смерти. Намного хуже.

Смертельный танец сторожевика закончился прямым попаданием плазменного шара, от которого не спасли ни маневренность, ни скорость. В двигательном отсеке взревело пламя. Потеряв ход, кораблик понесся по роковой, последней орбите... с которой сойти уже не мог.

Пот заливал глаза. Разум отказывался понимать – неужели это все? Пальцы, лежащие на красной кнопке самоликвидации, не дрожали. Юрий, зажмурившись, мысленно отсчитывал секунды. Если жжарги решили отомстить...

Репродукторы внезапно ожили. Исковерканный нечеловеческий голос жжаргского речевого синтезатора бубнил казенно-правильные фразы. Юрию предлагали сдаться.

Что ж, правильное решение. Последняя надежда жжаргов ускользнуть от «Наварина» – это захваченные заложники. Командование сделает все, чтобы освободить своих людей. Чем жжарги и надеются воспользоваться...

И тут передачу оборвал мощный и чистый голос «Наварина». Обмирая, Юрий увидел, как прямо перед ним из невидимости выплывал громадный крейсер – краса и гордость Адмиралтейских верфей Санкт-Петербурга, новейшая боевая единица Флота системы «Дзинтарс», к сожалению, слишком ценная единица, чтобы посылать его на действительно опасные операции. «Наварин», первый из линейных крейсеров своего класса, имел собственную гоуст-систему без внешней антенны, совершенно секретное устройство, запущенное в серию совсем недавно...

– «Наварин» к борту «Эн полсотни первый». Приказываю покинуть корабль. Вы на линии прицеливания рейдеров. Немедленно покинуть корабль. Все в спаскапсулу. Мы вас подберем. Мы вас подберем... Верещагин, уходи с баркаса, кому сказано!!!

В следующий миг батарейные палубы «Наварина» взорвались беглым огнем. Его командир, не рискуя, на все сто использовал первоклассную фокусирующую оптику лазерных систем и расстреливал жжаргов издали, не входя в зону поражения их плазменных пушек. Наудачу выпущенные заряды рейдеры легко отразили экранами. Один из них, уже получивший пробоину от лазер-ракеты Юрия, неудачно подставил борт под огонь линейного крейсера, и миг спустя жжаргский флот уменьшился на одну единицу. Графа «невосполнимые потери»...

– Борт «Эн полсотни первый» к «Наварину». Команда под действием сонного газа. Корабль покинуть не могу. Управляться не могу. Шлите спасателя...

– «Наварин» к «Эн полсотни первому». Понял тебя, высылаю «лопоухого». Держись!

Экраны сторожевика на миг затуманились. А когда рябь исчезла, в поле зрения каплея остался только изрыгающий ракеты «Наварин». Командир линейного крейсера привел в действие гоуст-генератор, закрывая избитый сторожевик завесой невидимости.

Дальнейшее было уже неинтересно. «Лопоухий» – спасательный бот с «Наварина» – благополучно пристыковался к «Н-51», и израненное суденышко втянуло в открывшийся под брюхом линейного крейсера широченный порт.

– ...А это от меня, каплей. – Каперанг Быков, командир «Наварина», протянул Юрию короткий кортик. Форменный кортик этого линейного крейсера, положенный только офицерам гвардейского экипажа. – Гром и молния, переходи ко мне!.. Хотя куда там, не перейдешь небось. – Каперанг махнул рукой. – Рождественский нас слишком уж бережет... А вы там на Шестой минной гусарить привыкли... Бурно у тебя начинается отпуск, капитан-лейтенант!

...Трех жжаргских рейдеров без долгих церемоний расстреляли. Одному расшибли в прах двигатели и заставили сдаться. Благоразумный командир танкера спустил флаг, как только увидел перед собой громаду линейного крейсера. Пассажирский отсек «Надежды» и рулевую рубку челнока быстро нашли – там никто не пострадал. Каперанг Быков лично отбил в штаб флота депешу, подробно излагая случившееся и особо настаивая на досрочном присвоении капитан-лейтенанту очередного звания. Выпив в кают-компании «Наварина» неразбавленного спирта с собравшимися офицерами и замучившись описывать бой, Юрий на крейсерском челноке отправился дальше, к ожидавшей отпускников «Монголии»...

Лазурное море что-то шептало, лениво перебирая белый песок. Если иметь очень хорошее зрение и посмотреть вправо, то можно разглядеть метрах в двухстах на пляже столбы ограды. Натянутую между ними тонкую прочную сетку отсюда не увидишь. Впрочем, двое белых мужчин, сидевших на широкой террасе, и не собирались туда смотреть. Очень худой головастый мальчик, похожий на сгоревшую дотла спичку, принес лед и бокалы.

– Этьен, почему, черт возьми, у вас слуги – одни мальчишки? Вы что – «голубой»?

– Да, да, да, Жорж, я понимаю, вы, русские, – люди традиций. Каждое утро Фу приносит нам напитки, и вы снова и снова задаете этот вопрос. Заметьте, я ни разу не повторился с ответом, мне даже нравится эта игра...

– А мне не нравится, что вы упорно называете меня Жоржем. Неужели ваш французский язык не может справиться с моим именем?

– Ну-ну, не сердитесь, мой друг, согласитесь, что и ваш «Этьен» также далек от оригинала...

– Но я же не переименовываю вас в Толика!

– Поверьте, Жорж, я искренне ценю вашу деликатность... На чем мы остановились в нашем разговоре?

– Я задал только первый вопрос.

– Ах да! Мальчишки! Этому есть очень простое объяснение: вы ведь уже заметили, что я не держу здесь белых слуг, а обхожусь услугами туземцев...

Тот, которого называли Жоржем, рассеянно кивнул, провожая глазами маленького Фу, явно борясь с желанием двинуть его ногой.

– ...Но местные племена имеют удивительно жесткие законы в отношении женского пола. Сильней, чем в исламе! У них это называется Оато. Ни один посторонний не имеет права видеть даже тень женщины их племени!..

– Тоже мне – сокровище! – перебил Этьена Жорж. – Судя по тому, как выглядят местные мужчины, от их дам, наверное, стошнит!

– ...при этом мужчина любого возраста, – невозмутимо продолжал его собеседник, – может беспрепятственно путешествовать, общаться и работать на чужеземцев.

– Дикари. – Крепкое загорелое лицо русского выразило крайнюю степень презрения.

– Безусловно, да. Но я считаю, даже самое темное и забитое племя может быть чем-то интересно. Хотя бы своими причудами...

– Ну-ну, вы, конечно, имеете в виду все эти дикие обряды под луной и поедание людей...

– О нет, уверяю вас, здесь на тысячу лье вокруг не найдешь ни одного каннибала. А вот местные танцы и впрямь не лишены очарования... Вы меня не слушаете, Жорж!

– Скучно. – Русский пружинисто встал, сделал несколько приседаний, прищурился на солнце. – Скоро будет почта?

– Чарли никогда не опаздывает, значит, минут через пятнадцать. Черт бы побрал этих аборигенов! Одна станция дальней космической связи на всю планету! И развозка допотопными флаерами! Где это видано?! И куда только смотрит комиссариат по делам новых территорий?.. – Последний вопрос явно был риторическим.

– Может, поедem охотиться? – Жорж уже шел к воде, поэтому Этьен задал свой вопрос ему в спину. Последовал отрицательный жест рукой.

Определенно, этот русский офицер – отличный парень, жаль только, что он так скучает в этом раю. Скорей всего он слишком энергичен и азартен для такого спокойного места. Даже знаменитая акулья охота разочаровала Жоржа уже после второго раза. «Мне нравится преследовать и атаковать, – признался он, – но я должен видеть все до конца». «До конца?» – Этьен с восхищением посмотрел на волевое лицо с хищно раздувающимися ноздрями. «Я хочу видеть, как эта тварь истекает кровью, как она переворачивается и опускается на песок. Дьявол, я сам хочу вспороть ей брюхо!» Этьен понимающе кивнул и развел руками: «Увы, месье Жорж, прекрасно понимаю ваше желание, но в этих водах категорически запрещена охота с аквалангом. Я дорожу своим бизнесом и не хочу лишиться лицензии. Вы понимаете меня?»

Вдали послышался нарастающий свист. Через несколько минут небольшой флаер изящно сел на воду бухты. Этьен вытянул ноги и достал сигару. Далее должна была последовать его любимая сцена.

Из люка появился загорелый парень в купальных трусах. Легко спрыгнул в воду и, держа над головой непромокаемый пакет с почтой, зашагал к Жоржу, высоко поднимая ноги. Когда между ними оставалось не более десяти метров, русский спокойно повернулся и направился на террасу. Там он сел в кресло и взял в руки высокий стакан.

– Этьен, – обратился он к хозяину, не замечая подошедшего посыльного, – прикажите еще льда. – Чуть повернул голову, знаком показал, что пакет можно положить на стол. – У меня нет мелочи, дайте ему рубль. У вас ведь есть рубли?

– У меня есть все. – Этьен прятал улыбку в усах, получая огромное удовольствие от этого спектакля. Достал приготовленный рубль с портретом государя Александра Третьего и вручил его Чарли, хлопнув парня по плечу: – Как дела, старина? Хлебнешь чего-нибудь?

– Спасибо, месье Понтиви, у меня еще много работы.

– Ну что ж, пойдем, провожу тебя.

Он махнул рукой улетающему флаеру, еще немного постоял у воды и вернулся в дом. Русский нажимал на кнопки проектора, быстро листая электронную сводку новостей, внимательно всматриваясь в мелькание изображений, графиков и иной скучной цифири. В одном месте он остановился, немного нахмурился и потянулся за телефоном. Этьен рассеянно слушал мелодию набора. Сейчас месье Жорж перейдет на английский:

– Hi, mister Bow! It's about your order number 0/76. We allow you a cash discount of 5 % for payment within 45 days. O'kay, thank you!

Теперь он смахнет проектор со стола и сделает большой глоток из стакана.

Русский залпом допил сок. Звякнули кубики льда. На Этьена он смотрел веселыми, почти что шалыми глазами.

– Месье Понтиви, где на этих диких островах ближайший бордель? Может, составим веселый вечерок с девчонками и танцами?

– О! Нет ничего проще, Жорж! После обеда мы можем взять катер и через час будем в заведении мадам Питу...

– К черту обед! Поехали сейчас! Прикажите своим черномазым готовить шикарный ужин. Да пусть все здесь украсят и повесят побольше фонарей! Темнота действует мне на нервы!

– Сию минуту, месье, только отдам распоряжения!

Когда Этьен вышел из дома, русский уже стоял на пристани. К своему обычному наряду – белым коротким шортам и сандалиям – он добавил белую свободную рубашку с короткими рукавами. Внезапный порыв ветра облепил его мощный торс тонкой тканью.

– Эге-гей! Этьен! – крикнул он издали. – У вас тут бывают сильные шторма?

– Конечно, месье, в сезон дождей. Но в это время здесь никто не живет. Я переселяюсь на Ротатао. У меня там дом.

– Чего это вы снова заладили свое «месье»? Мы же договорились! Зовите меня просто по имени, хоть у вас это и плохо получается!

– Простите, Жорж, – Этьен осторожно выводил катер из бухты, – но вы так быстро меняетесь, что я не могу уследить. Вот только что вы были для меня Жоржем, а через минуту – уже «месье Жорж».

Русский довольно захохотал и жестом попросил Этьена передать ему управление катером.

– Нет, нет, нет, Жорж, это опасно!

Толстые циновки ручного плетения покрывали пол. Резко пахло пряностями и цветами. Мадам Питу, черноволосая малайзийка с необъятными бедрами, пригласила гостей в дом. Она два раза хлопнула в ладоши, и на низком столике появились стаканы, мисочки со сладостями и кувшин ледяного питья. Этьен обменялся с мадам несколькими фразами на местном диалекте. Это было похоже не на речь, а на какие-то птичьи звуки. Женщина удовлетворенно кивнула и снова хлопнула в ладоши.

Приподнимая висящую циновку, одна за другой в гостиную стали заходить девушки. Скорей всего порядок выхода здесь определен заранее. Хитрая сводня устроила так, что, когда девушки выстроились перед гостями, каждая следующая была светлей предыдущей. Первой посверкивала ослепительными зубами негритянка с ожерельем из красных кораллов на шее. Последней вошла совсем светлая мулатка с белыми волосами.

– Глядите-ка, Этьен! Это же шоколадная радуга! – восхищенно воскликнул русский. Глаза его горели. – Забираем всех семерых! Я так понимаю, кредитные карты здесь не в ходу? Расплатитесь и включите в мой счет. Как вы думаете, у нас хватит шампанского?

– Конечно, Жорж, мои запасы вполне позволяют устроить небольшой бассейн из шампанского!

– Хм, Этьен, а это мысль! Вполне возможно, что вечером мы именно так и поступим!

Где-то за деревьями небо уже начинало светлеть. Жорж равнодушно наблюдал за двумя мулатками, плававшими в бассейне. Видно было, что девушки чертовски устали. Остальные пять мирно спали – кто в доме, а кто и просто свернувшись калачиком в шезлонге. Месье Понтиви жестоко мучился головной болью.

– Не желаете потряхнуть стариной, Этьен? – поинтересовался русский, указывая на девушек в бассейне.

– Что вы, Жорж, в моем возрасте, после бессонной ночи – это небезопасно. Я, пожалуй, все-таки выпью старого доброго аспирина. Не верю в эту новую сверххимию...

– Перестаньте прикидываться старой развалиной, я несколько раз замечал вашу волосатую лапу на шоколадной попке. Вам, кажется, понравилась самая темненькая?

– Да, мой друг, вы правы, – вынужден был согласиться Этьен. Он чувствовал себя неловко. Русский явно остался недоволен вечеринкой.

– Утро, Этьен, это всегда грустно. Даже если ему предшествовала веселая ночь. – Жорж одобряюще улыбнулся хозяину. – Не переживайте, вашей вины здесь нет. Все было очень славно.

– Но вам не понравилось.

– У меня сейчас ощущение, как будто я скупил кондитерскую лавку и объелся конфетами. Вкусно, но приторно.

– Да-да-да, я вас понимаю...

– В таких случаях хорошо помогает соленый огурец или кусок селедки.

– Как-как?

– Шучу. Русская шутка. У нас так говорят на флоте. – Жорж потянулся за стаканом, но обнаружил, что тот пуст. – Кстати, Этьен, знаете, как легко угадать в собеседнике настоящего француза? Вы очень быстро произносите «да-да-да» или «нет-нет-нет», именно три раза.

– Признаюсь вам, месье Жорж, за все время вы – мой самый интересный постоялец.

– Наверное, и самый тяжелый?

– Нет-нет-нет, я так вовсе не думаю.

– Думаете, потому что снова только что называли меня «месье»!

Этьен, смеясь, поднял руки вверх:

– Сдаюсь. – Потом озабоченно глянул в бассейн: – Может быть, мы все-таки вытащим девочек?

– Валяйте, вытаскивайте, а то у них уже, кажется, хвосты выросли вместо ног.

Этьен растер падающих от усталости девушек мохнатым полотенцем и отвел в дом. Оттуда он вернулся с охапкой одеял и стал накрывать спящих на террасе.

– Вы хотите еще посидеть? Вам принести чего-нибудь выпить? – спросил он, подавая одеяло и Жоржу.

– Пожалуй. Тоник. Без льда.

Этьен водрузил на столик бутылку и стакан. Немного постоял около шезлонга, затем сел рядом и нерешительно пробормотал:

– Жорж, я не знаю, как начать...

– Начните с начала. Какие-то проблемы, дружище?

– Нет-нет-нет. Я... наверное, я поступлю неправильно... но...

– Старина Этьен, я не узнаю вас. Вы устали? Можете идти спать, я не обижусь. Вы вовсе не обязаны развлекать меня всю ночь.

– Ах нет, друг мой. Дело в том, что я знаю одну тайну. То есть даже не знаю, просто догадываюсь, что на моем острове существует какая-то загадка.

– Клад? Сокровища?

– Не смейтесь, это не Остров Сокровищ. Просто... просто вы мне очень симпатичны, и я считаю себя обязанным доставить вам максимум удовольствий. Пока, похоже, это неважно получается...

– Э нет, Этьен, не пойдет, таким вы мне совершенно не нравитесь. У меня нет причин быть вами недовольным. Я плачу деньги и получаю за них товар. Моя скука – это мои проблемы.

Вместо ответа хозяин поднялся и пошел в дом. Через несколько минут он вернулся, неся в руке небольшой пакет.

– Вот. Берите, но считайте, что я вас предупредил.

– Пока нет.

– Что – нет? – опешил Этьен.

– Вы не успели меня ни о чем предупредить. Садитесь, дружище, и рассказывайте, мне уже интересно.

– Я начну издалека. Среди моих постояльцев иногда попадаются совершенно удивительные чудаки... Вы читали книгу «Дети капитана Гранта», Жорж?

– В детстве – конечно. Насколько я помню, главным чудачком там был Паганель.

– Вот-вот, именно такого типа. Как правило, это люди, которые постоянно теряются, попадают во всякие передрыги, а по пути делают массу открытий. Несколько лет назад ко мне тоже приехал такой вот Паганель. Начал он с того, что наступил на морского ежа, потом вылез от какого-то экзотического лишая моего слугу, а кончилось дело тем, что он увлекся местными обычаями. Отношения у нас с туземцами традиционно прекрасные, его возили на праздники, брали на ритуальную охоту. Все было хорошо, пока он не уперся в Оато.

- Во что?
- Я говорил вам. Оато – это запрет видеть женщин их племени.
- Да, вспомнил. Я еще удивился, чего там запрещать.
- Вот видите, вам как мужчине это неинтересно, а в моем Паганеле разыграл азарт ученого.
- Слушайте, Этьен, а почему вы так странно его называете? Что, у него имени нет?
- Есть. То есть... было.
- Ага! – Жорж от любопытства даже снял с себя одеяло. – Его убили!
- Увы, мой друг. Единственный несчастный случай за всю историю моего отеля. Инцидент пришлось замять, иначе я лишился бы клиентов, ну, вы понимаете...
- Я понимаю. Так в чем же здесь загадка?
- Не знаю. Мне кажется, эти голографии...
- Тут Жорж вспомнил, что действительно все еще держит в руках пакет.
- Что здесь?
- По местному обычаю, нарушителя Оато, верней, то, что от него остается, погружают на плот и отпускают в море. Они считают, что такому преступнику нет места на земле. К тому времени я искал месье... гм, я искал его уже сутки. Вышел на катере и наткнулся на плот.
- Что там было?
- О нет, Жорж, этого я не могу пересказать...
- Вы его похоронили? Здесь?
- Нет-нет-нет, ни в коем случае! Со мной сделали бы то же самое! Но я поддался какому-то импульсу и схватил с плота камеру.
- А потом вы поддались другому импульсу и напечатали голографии?
- Признаюсь, мне было очень страшно. Я даже отправлял материалы в Европу! Можете себе представить, во что мне встала межзвездная почта! Ох, Жорж, я, кажется, уже жалею, что начал вам это рассказывать!
- Предвзвешенности! И скорей всего никакой тайны тут нет. Давайте рассуждать логически: если там даже и запечатлена парочка местных уродин, что мне с того? А если нет – вы сами справедливо заметили, что азартом естествоиспытателя я не страдаю и в джунгли за ними не полез. Согласны?
- Этьен с грустной улыбкой покачал головой:
- Не согласен. То есть ваши логические построения верны, но вы забыли главное.
- Что именно?
- ЗАЧЕМ я дал вам эти голографии.
- Ну и зачем?
- Вам было скучно.
- Вздор. Мне так долго было весело... в системе «Дзинтарс», что после этого... – Жорж некоторое время молчал, вертя в руках пакет, а потом решительно его вскрыл.
- Возможно, погибший был неплохим ученым, но голографом оказался прескверным. Смазанные снимки, сделанные, судя по всему, во время танца. Крупный план улыбающегося туземца – головной убор не вошел в кадр. Следом он же, но в полный рост. Хижины, утварь... Группа разукрашенных людей. И в конце – несколько непонятных кадров. Просто зелень: пальмы и лианы. Жорж разочарованно поднял голову. Этьен стоял спиной к нему и смотрел на море.
- Видели? – Голос его был странно глухим.
- «Видел – что?» – чуть было не переспросил русский, перебирая в руках голографические пластинки. Ничего особенного. Местная экзотика. И вдруг он увидел. На одной из тех странных, с зеленью. Это была не пальма. И не лиана, обвивающая ствол. Утомленный мозг ошибся, по инерции заключив, что раз это джунгли, то должны быть и растения.

Это была ЖЕНЩИНА.

Она стояла вполоборота, видно застигнутая оператором врасплох.

На следующем снимке она смотрела прямо в объектив, еще не успев испугаться.

На третьем ее уже не было.

У Жоржа перехватило дыхание. Он резко вскочил, чуть не запутавшись в одеяле, отшвырнул ногой шезлонг и стал прямо под фонарем, рассматривая голограммы. Он не заметил, что остальные разлетелись по полу.

Эта женщина... Она была и пальмой, и лианой. Она была пантерой, и змеей, и райской птицей. Она была совершенно голая, если не считать браслетов на ногах. Русский почти представил себе, как они должны позвякивать при ходьбе. Элитные фотографы тратят сотни кадров, чтобы получить один-два хороших снимка роскошных манекенщиц. Как же должна выглядеть в жизни эта женщина, если она ТАК вышла на снимке бедолаги Паганеля?

– Этьен... – вздохнул Жорж. – Я хочу эту женщину.

– Ох, месье, как я был не прав...

– Этьен, вы абсолютно правы. Я ХОЧУ эту женщину. Вы должны мне помочь.

– Нет-нет-нет, это исключено! Вас убьют, а я потеряю свой отель!

– Тогда зачем вы дали мне эти голографии?

– Я уже раскаиваюсь!

Жорж явно не любил спорить. Он предъявил самый веский, с его точки зрения, аргумент. Он молча ушел в дом и вернулся через минуту с чековой книжкой. Проставил сумму, показал Этьену. Колебание отразилось на лице хозяина, но он покачал головой:

– Нет, простите, Жорж, я не могу так рисковать.

Русский спокойно прибавил к написанному чеку еще один ноль. Этьен уже не мог ничего говорить. Когда сумма возросла еще в десять раз, он покорно кивнул и еле слышно сказал:

– В конце концов, на эти деньги я смогу купить себе целый остров на другом конце Галактики...

– Вот это верно, старина, – рассмеялся Жорж, хлопнув Этьена по плечу.

План был продуман до мелочей. Чтобы не возбуждать подозрений у слуг, Жорж сделал вид, что отправляется спать. Там же, в спальне, он с помощью Этьена нанес на лицо грим.

– Не забывайте, мой друг, что в джунглях ваше лицо является отличной белой мишенью.

Жорж усмехался про себя. Похоже, Этьену, хоть он и трусит отчаянно, самому нравится это приключение. Заметив, что русский достает из чемодана лазерный пистолет, хозяин быстро принес ему отличный нож с замысловатой ручкой.

– Возможно, вам понадобится бесшумное оружие, Жорж.

– Спасибо, Этьен, надеюсь, до этого не дойдет.

На случай бегства у пристани должен был стоять готовый к отходу катер. Этьен еще ранним утром собрал там самые необходимые вещи. Он старался не думать о том, что, возможно, придется внезапно расстаться с уютным отелем, к которому он так привязался за долгие годы. Жорж последний раз глянул на карту острова. Тонкая линия ограждения делила его почти пополам. И хотя прочная сетка и столбы поддерживались в полном порядке, эта граница уже давно стала формальной. Три-четыре туземца постоянно служили у месье Понтиви, регулярно в отель доставлялись местные фрукты, для любопытных туристов устраивались экскурсии на территорию племени.

– Вам не придется ее резать, под сеткой вполне можно проползти. Заходить лучше с севера, там никто не живет, по крайней мере, не наткнетесь на их деревню.

Мужчины пожали друг другу руки, и Этьен вышел из комнаты русского. Храни его Господь, да и меня тоже.

Жорж пробирался по джунглям. Вокруг было тихо, лишь где-то высоко на верхушках деревьев перекрикивались невидимые отсюда птицы. Он уже давно миновал проволоочное ограждение и теперь шел по чужой территории. Изредка русский останавливался, прислушиваясь. Идти было нетрудно, но сердце все равно билось тяжело и глухо. Сейчас этот поход все больше казался ему безумием. Рискуя жизнью, пытаться найти в этом зеленом месиве сказочную женщину с фотографии? Он ведь даже не спросил Этьена, как давно сделан снимок. Может, ее уже давно нет на этом острове? Так думал здравомыслящий человек, цивилизованный господин, предпочитающий выпить стаканчик-другой виски, сидя на террасе и любуясь вечерним прибоем. Горячая же кровь авантюриста гнала его вперед, на поиски женщины-миража. Справа послышался легкий шум, и Жорж, вспомнив карту, понял, что там море. Через несколько десятков шагов прямо перед ним выросла скала. Поколебавшись, он пошел влево, постоянно оглядываясь и прислушиваясь. Если бы не внезапно вылетевшая прямо перед лицом птица, Жорж, возможно, и не заметил бы узкой расщелины, густо заросшей какими-то вьющимися растениями. Повинуясь инстинкту, он протиснулся между камнями и двинулся вперед, поминутно путаясь в ползучих стеблях и помогая себе ножом. Где-то впереди громко кричали птицы. Скоро растения над его головой сомкнулись, образовав сплошной зеленый потолок, но впереди уже посветлело. Последние несколько метров Жорж почти полз.

Он раздвинул ветки и тут же отпрянул, больно оцарапав щеку колючкой. Там были люди. Когда же он осторожно выглянул во второй раз, мигом забыл и про боль, и про острые камни под коленками. На крошечном пляже, зажатом со всех сторон скалами, резвились три богини. Три абсолютно голые богини. Браслеты на их ногах позвякивали именно так, как он себе представлял. Они смеялись. Они болтали друг с другом на своем непонятном языке, который он уже слышал, но принял за птичьи крики. Все три были удивительно похожи: гибкие некрупные тела, казалось, без единого сустава – только плавные изгибы и струящиеся движения. На голове ничего похожего на жесткую вьющуюся проволоку местных мужчин – совершенно прямые шелковистые волосы. Девушки бегали друг за другом и падали на песок. И все это происходило на расстоянии нескольких метров от его горящих глаз и разом вспотевших ладоней. За ними, казалось, можно было наблюдать вечно. Одна из девушек, видно решив отдохнуть, легла в тени так близко, что Жорж перестал дышать. Другая подошла к ней и присела на корточки, широко разведя колени. Ему пришлось укусить себя за руку, чтобы сдержать рычание. Он чувствовал, что вот-вот превратится в дикого зверя. Лежащая девушка, видно, сказала что-то смешное, потому что ее подруга рассмеялась, запрокинув голову, и чуть не упала на песок. И тут ее взгляд остановился прямо на измазанном гримом лице Жоржа.

Они одновременно поднялись, не спуская друг с друга глаз. Плохо понимая, что делает, русский раздвинул ветки и шагнул вперед.

Казалось, девушки ничуть не испугались. Через мгновение все три стояли перед ним, по-детски удивленно его рассматривая. Не убавить, не прибавить – три грации. Но что-то неуловимо странное, необычное было в них, не звериное, но и совершенно нечеловеческое. На дикого зверя больше походил Жорж, исцарапанный, с безумными глазами и грязным лицом, по которому струился пот. «Если хотя бы одна сейчас побежит, – подумал он, – я рванусь следом и возьму ее прямо здесь».

В глубине души он хотел именно этого, но просто не мог пошевелиться под взглядом этих странных созданий. Его тело стремилось к обладанию, руки сами тянулись ласкать и мучить, но сознание мутилось, мозг приказывал просто сесть и смотреть.

Дальше произошло неожиданное. Одна из девушек подошла к русскому и тихонько лизнула его щеку. Скривилась, рассмеялась и, обернувшись, что-то сказала своим подругам. Тут же ласковые руки, нежно и невесомо касаясь, повлекли его куда-то, голова закружилась. Жорж пришел в себя в воде. Когда и как они умудрились снять с него одежду? Девушки плескались рядом, переговариваясь на своем птичьем языке. Вот одна нырнула, почти сразу Жорж почув-

ствовал ее руку на своем бедре. Затем под водой исчезла другая. Эти необыкновенные подводные ласки становились все более настойчивыми. Гибкие тела были совершенно неуловимы, и это еще больше распаляло желание. Вода доходила ему до груди. Он неловко шарил вокруг руками, безуспешно пытаясь поймать соблазнительниц, и только сильнее распалялся. Вдруг сильные ноги обхватили его, прямо перед ним из воды показалось мокрое лицо, и эта дикая морская кошка резким рывком овладела им. От неожиданного и острого наслаждения, пронзившего все тело, он закричал и упал в воду, сразу же захлебнувшись. Девушка не отпускала его, тянула вниз. Краешком сознания он удивился, как ей хватает воздуха, потому что сам уже задыхался. Тут ее хватка ослабла, Жорж смог выпрямиться. Он жадно хватал воздух ртом, перед глазамиплыли разноцветные круги. Девушки как ни в чем не бывало плавали рядом. И снова голова одной из них исчезла под водой, что-то коснулось его живота – он понял, что игра начинается снова. Теперь Жорж уже знал правила, поэтому нырнул сам. Он не чувствовал никакой усталости, все мысли исчезли – в мире уже не существовало ничего, кроме этой безумной забавы.

Он почти поймал одну из них, когда внезапный гортанный крик с берега заставил его обернуться.

Четверо. Не шоколадных – черных как головешки мужчин, казавшихся злой карикатурой на человека рядом с его богинями.

Их лица ничего не выражали. На них просто была написана СМЕРТЬ.

Где-то на берегу осталась одежда и оружие.

Позади было море.

Сразу же вернулась способность четко соображать. Он представил себе карту острова и поплыл вправо, огибая скалы.

Жорж лежал на дне катера, не чувствуя своего тела. Только огромное сердце устало стучало внутри. Этьен вовремя заметил его и успел втащить на борт в тот самый момент, когда левую ногу русского уже свело судорогой. Остров давно скрылся за горизонтом, а Жорж все еще не мог прийти в себя.

– Я понял. У вас получилось. Вы их видели? – не выдержал Этьен.

Никогда прежде месье Понтиви не видел у людей такой улыбки. Еле разжимая губы, русский ответил:

– Я всегда получаю то, что хочу...

Интерлюдия IV

– Илона, вы меня слышите?
– Да.
– Вы хорошо себя чувствуете?
– Нормально.
– Голова не кружится?
– Нет... да, немножко кружится.
– Слышите музыку?
– ...Да. Кажется, да. Тихо очень.
– Расслабьтесь. Подумайте о чем-нибудь хорошем. Вспомните что-нибудь приятное.
– ...Да, вспомнила...
– Я начинаю считать. Когда я скажу «пять», вы уснете. Приготовились. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Илона бродила по квартире, принимаясь за всякие дурацкие дела и тут же бросая их. Она даже начала мыть посуду, но мать посмотрела на нее с таким удивлением, что пришлось оставить тарелки и чашки в покое. Родители собирались часов триста, не меньше. Когда Илоне уже стало казаться, что они никогда не уедут, отец наконец-то подхватил огромную сумку и скомандовал:

– Все, Таня, поехали, а то засветло не доберемся.

И еще полчаса, стоя на пороге, пичкали дочь советами и нотациями: краны закрывай, долго телевизор не смотри, на телефоне не виси, а то тетя Люся из Бологого будет звонить, спать ложись не позже двенадцати и т. д. и т. п. Илона слушала вполуха, поглядывая на часы. Вот-вот должны прийти девчонки, а предки все никак не уберутся на дачу. У нее с самого утра подсасывало в животе от того, что они задумали, и вот теперь все может сорваться. Фу-у, укатили. Буквально через пять минут ввалились девчонки.

– Илонка, знаешь, кого мы сейчас встретили? – с порога заорала Юлька. – Серегу! Ну что ты вылупилась на меня? Серега Длинный, из десятого «Б»! Ему Петрович помогал в магазине сухое покупать! Они с ребятами на Ленинские горы едут! Пикник устраивают! И нас звали!

– Тьфу, Юлька, чего ты так орешь? – Илона поморщилась. – При чем тут какой-то Серега? Мы же... Ты что, забыла? А может, струсил?

Юлька пожалала плечами:

– Да нет, просто я подумала, может, как-нибудь в следующий раз...

– Точно – струсил. – Илона не хотела признаться, что и у нее самой трясутся поджилки. – Как хочешь, можешь и не тянуть жребий.

– Ладно, девчонки, перестаньте, давайте лучше смотреть, кто что принес. – Ирка уже тащила свой пакет в комнату.

Ух, прямо глаза разбегаются! Алинка даже белье кружевное приволокла!

– Сеструха сказала: бери что понравится, – небрежно пояснила Алина. Ее двоюродная сестра Кристина два года назад переехала к тетке в Москву, якобы учиться. Начинала на «Пушке», а теперь уже почти своя в «Интуристе» на Горького. Шмотки у нее! Но у Иркиной матери косметика все равно лучше. Илона почти каждый день сталкивается в подъезде и вежливо здоровается с этой жуткой лошадью в парике.

Все тут же бросились краситься и мерить все подряд. Юлька впялилась в блестящее платье на тонких ляпочках и стояла у зеркала, прищурившись. Роковую женщину из себя изображает. Нет, судя по всему, как сказала Илонина мама, Юленька пойдет в отцовскую породу – широкозадых и коротконогих.

– Ну, все. – Илона командовала не только потому, что находилась в своей квартире. Просто и в классе, и во дворе она всегда была лидером. – Давайте жребий тянуть.

– Рано еще, – заскулили девчонки, только-только вошедшие во вкус.

– Ни фига, нужно прийти пораньше, забыли, какая там очередь! Можно весь вечер простоять и не попасть!

Это точно. Попасть в «Метелицу» просто с улицы всегда было проблемой. Илона быстро вырвала из отцовского блокнота четыре листка, на одном из них нарисовала большой крест, сложила в несколько раз и побросала в свою вязаную шапку. Идея была проста и заманчива: в кабак сегодня пойдет не разномастная команда девчонок, одетых кто в лес, кто по дрова, а только одна из них, но зато упакованная по высшему классу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.